

ЛЕДИ АЛХИМИК

Аромат предателства

— Ольга Исай —

Леди Алтарийской империи

Ольга Исай

**Леди Алхимик.
Аромат предательства**

«Автор»

2026

Исай О.

Леди Алхимик. Аромат предательства / О. Исай — «Автор»,
2026 — (Леди Алтарийской империи)

ОДНОТОМНИК Вторая книга серии Она была идеальной женой — пока не увидела мужа с другой. Ушла, построила свое дело и почти поверила в новое счастье. Но бывший муж, глава Тайной канцелярии, вернулся. Не за любовью — за правдой. В империи зреет заговор, и её фабрика — ключ. Теперь ей придётся выбрать: довериться тому, кто предал, или тому, кто оказался рядом и не хочет оставаться просто другом. Можно читать отдельно, но лучше читать после Леди Архивариус

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Дом на набережной	9
Глава 2. Слухи и поздний ужин	14
Глава 3. Осколки	18
Глава 4. Приём у канцлера	21
Глава 5. Дни отчуждения	26
Глава 6. Конец	30
Глава 7. Новое начало	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Исай

Леди Алхимик. Аромат предательства

Пролог

Лиλιана не должна была это видеть, она не хотела это видеть.

Она искала мужа. Приём у канцлера затянулся. Она устала от пустых разговоров, сплетен и пересудов. Стоять в стороне в одиночестве стало утомительным. Танцы ее не прельщали, а болтовня надоела. Шампанское нагрелось, а ледяные скульптуры на роскошных столах подтапливали. Она хотела найти мужа чтобы сказать ему, что устала и хочет домой. У неё разболелась голова от духов леди Морвен и от того, как все эти дамы смотрят на неё — с жалостью, с любопытством, с плохо скрытым злорадством. Она хотела просто взять его под руку и уйти. Как делала сотню раз. Но Альдрика не было. Он отговорился необходимостью обсудить пару дел и оставил ее одну.

Галерея была длинной и тихой. Портреты предков канцлера — надменные лица, тёмные рамы, глаза, которые следили за каждым шагом, — висели на стенах. Ковры заглушали шаги. Газовые бра на стенах горели приглушённо, и тени метались по потолку, как живые. Дверь в конце галереи была приоткрыта. Свет — тусклый, дрожащий. Звук — тихий, но отчётливый.

Стон.

Лиλιана остановилась. Сердце пропустило удар. Потом ещё один. Она не должна была подходить. Не должна была смотреть. Она знала это — всем своим существом, каждой клеткой, каждым нервом, — и всё равно шагнула вперёд. Потом ещё. Потом заглянула.

Селеста стояла лицом к двери, но не нее не смотрела.

Голова ее была запрокинута, лиф вишнёвого платья с глубоким декольте спущен с плеч. Карамельная кожа. Гладкая. Без единого изъяна. Плечи, шея, ключицы — всё открыто, всё выставлено напоказ, всё для него. Рубины на её обнаженной идеальной груди горели в полутьме, как капли крови. Как угли. Они отбрасывали алые искры и казались живыми.

Альдрик стоял перед ней. Близко. Очень близко. Так близко, что между ними не осталось воздуха. Его руки лежали на её обнажённых плечах. Большие пальцы — на ключицах. Медленно. Нежно. Так, как он не касался Лилианы никогда.

Селеста что-то прошептала ему на ухо. Лилиана не расслышала слов — только звук, низкий, гортанный, чувственный. Потом Селеста привстала на носках — легко, грациозно, как кошка, — и поцеловала его. Долго. Глубоко. Страстно.

Альдрик не отстранился.

Он ответил.

Его руки скользнули с её плеч на спину. Прижали. Крепче. Ближе. Селеста застонала — или это был он, Лилиана уже не понимала, не хотела понимать, — и пальцы брюнетки зарылись в его белые волосы, и её тело прижалось к его телу, и рубины на её груди блеснули в свете газового рожка, как последняя насмешка.

Лилиана не помнила, как вышла.

Не помнила, как прошла галерею. Как спустилась по лестнице. Как нашла свой экипаж. Как велела кучеру отправиться домой. Голос не дрогнул. Это было самое удивительное. Голос не дрогнул. Пять лет обучения. Пять лет дисциплины. Пять идеальных лет.

Она села в экипаж. Прислонилась к холодной бархатной спинке. Закрыла глаза. Экипаж тряслась по булыжной мостовой. Фонари проплывали за окном — один, другой, третий. Туман затягивал улицы. Вейлмар тонул в серой мгле.

Она не плакала.

Слёз не было. Что-то внутри неё — там, где было сердце — покрылось льдом. Как река Альд в январе. Как глаза её мужа. Как всё в этом доме, в этом городе, в этой жизни.

Она не имела права плакать, не имела права ни на что.

Экипаж катился по камням. Желтые фонари мелькали за окном. Вейлмар дышал смогом и туманом. Лилиана сидела с закрытыми глазами и не знала, что делать.

Слез не было.

Идеальная жена не плачет.

Пять лет назад.

Церковь Святого Кутберта стояла на холме над рекой Альд. В то утро туман поднимался с воды так густо, что витражные окна казались затянутыми серой кисеей. Свет газовых фонарей дрожал и плавился в этой сырости, и тени святых на стенах шевелились, будто живые.

Альдрик стоял у алтаря и смотрел на невесту.

Она шла к нему по проходу — невысокая, в белом платье, которое стоило больше, чем она могла себе позволить. Он заплатил за него. За всё заплатил — свадьбу, цветы, свечи, приём, экипажи, музыкантов. Не из щедрости. Из расчёта. Маркиз Хизердейл не мог позволить себе выглядеть скупцом, ибо скупость — порок мелких душ, а Вейлы никогда не были мелкими. Восемьсот лет их род стоял у трона, и восемьсот лет они знали цену appearances¹ — тому, как ты выглядишь в глазах других. Особенно в глазах тех, кто сидел в первом ряду.

В первом ряду сидели члены императорской семьи. Император не почтил мероприятие визитом, но этого и не ожидалось. Однако на венчание прибыл наследник — молодой человек с веселым взглядом и лучиками морщинок вокруг глаз, хотя был еще очень молод. Это уже был показатель статуса и уровня близости к правящей фамилии.

Он перевёл взгляд на невесту.

Лилиана Корн. Графиня Грейстоун. Древний титул, разорившаяся ветвь. Родители умерли — мать от чахотки, отец от удара, — и она жила с тёткой в захолустье, в доме, где пахло пылью и старыми кружевами. Земли Грейстоуна давно перешли к дальним родственникам, более удачливым и менее щепетильным, но у которых было одно неоспоримое преимущество — у них были сыновья. Приданого отец ей почти не оставил. Небольшой счет в банке, да крохотный домик у самой границы Верхнего яруса. Связей тоже никаких. Она прибыла в Вейлмар с дуэньей, багажом состоящем из одного сундука и себя самой.

Идеальная партия для него.

Альдрик мысленно перебрал список. Он делал это каждую минуту своей жизни — оценивал, взвешивал, просчитывал. Привычка главы Тайной Канцелярии Алдорийской империи. Привычка человека, который не доверяет никому, даже самому себе.

Он смотрел, как она идёт по проходу. Невысокая. Тихая. В белом платье, которое он оплатил. Он знал о ней всё: бумаги, счета, рекомендации. Сирота. Без братьев, без кузенов, без связей.

Тишина. Роскошь, которую он ценил превыше всего.

Она не бывала в свете, не танцевала на балах, не флиртовала. Тихая, воспитанная, не избалованная вниманием. Такая не станет устраивать сцен. Она будет сидеть в гостиной, вышивать, читать и ждать. Идеальная жена для человека, который не собирается быть прилежным мужем.

Решающим стало образование. Он изучил её бумаги — разумеется он собрал на нее полное досье, подробно и педантично, как всё, что он делал. Домашнее обучение — языки, музыка,

---

¹ Видимость

этикет. А потом — курсы химии для девушек в академии Вейлмара. Станный выбор для аристократки. Но полезный. Сейчас это вошло в моду — курсы в академии, да и хобби это всегда полезно для настоящей леди. Ему не интересна пустая и глупая кукла. Она должна уметь поддерживать беседу и не сильно удивляться глядя на паровую машину.

И разумеется внешность. Она была хороша собой. Золотистые волосы тёплые, как мёд. Карие глаза — спокойные, внимательные. Тонкая фигура. Не красавица, которая привлекает внимание. Но приятна глазу. Достаточно, чтобы не вызывать вопросов. Недостаточно, чтобы стать причиной пересудов.

И не самое важное, но безусловно нужное дополнение — характер. Тиха. Нежна. Покладиста. Она не будет мешать. Она не будет спрашивать. Она будет покорно ждать и рожать детей.

Альдрик не искал любви. Любовь — это уязвимость. Уязвимость — это смерть. Он видел, как умирают люди. Любовь — это трещина в стене, через которую проникает враг. Любовь — это слабость, которую используют. Он не мог себе этого позволить. У Альдрика Вейла, маркиза Хизердейл не было слабостей.

Лиана Корн подходила по всем параметрам.

Она остановилась рядом. Священник — старый, с дрожащими руками и голосом, похожим на шелест страниц, — начал говорить. Альдрик смотрел на неё. Она подняла глаза. Тёплые. Карие. В них не было ни страха, ни восторга. Только спокойствие. Она знала, что это сделка. Он знал, что это сделка. Оба были на это согласны.

«Согласны ли вы, Альдрик Вейл маркиз Хизердейл, взять в жёны...»

— Согласен.

«Согласны ли вы, леди Лиана Корн, графиня Грейстоун...»

— Согласна.

Кольцо скользнуло на её палец. Тонкое золото. Роскошные камни. Семейная драгоценность. То что вернется в сокровищницу Хизердейла когда она умрет. Она не смотрела на него. Смотрела на кольцо — как смотрят на вещь, которая теперь принадлежит тебе, но не радует.

Альдрик подумал, что он сделал верный выбор, она будет хорошей женой. Он даст ей дом, имя, защиту и достойное содержание, она родит детей и даст ему покой. Это честная сделка. Счастье не входило в условия. Он знал это. Она знала это. Оба делали вид, что для них это не имеет значения.

Он подумал о долге. Восемьсот лет Вейлы служат империи. Его предок — суровый человек с руками, привыкшими к мечу, — основал Вейлмар. Построил первую крепость. Сейчас стена этой древней крепости разделяет Верхний ярус от Нижнего. Но не один из Вейлов никогда не хотел править их не интересовала власть. Они служили. Это их долг. Это его долг. Он женится не по любви. Он женится, потому что маркиз должен иметь жену. Потому что род должен продолжаться. Потому что так должно.

Он подумал о Хизердейле. Север. Вереск. Ветер. Свобода. Мечта, которую он откладывал год за годом. Когда-нибудь. Когда всё это закончится. Когда долг будет исполнен. Тогда он уедет. Тогда он увезёт жену — и, может быть, детей — в Хизердейл. Там они будут жить. Там он будет свободен. Когда-нибудь.

Он перевёл взгляд на статую Святого Кутберта в нише. Северный святой смотрел на него с камня. Альдрик подумал: «Он тоже был один. Одиноким северным отшельником. Всегда наедине с холодом и ветрами». Он не понял, почему подумал об этом. Отогнал мысль.

Лиана подняла на него глаза. Впервые за всю церемонию — прямо, без страха.

— Я постараюсь быть вам хорошей женой, Ваше сиятельство — сказала она тихо.

Он кивнул.

— Я постараюсь быть вам хорошим мужем, леди.

Оба соврали. Он — потому что не собирался быть покладистым мужем. Она — потому что не знала, что это значит.

Священник объявил их мужем и женой. Альдрик предложил ей руку. Она взяла. Пальцы холодные. Как у него.

— Можете поцеловать невесту, — сказал священник без выражения, как говорят слова, которые повторяли тысячи раз.

Альдрик повернулся к ней. Лилиана подняла лицо. Глаза у неё были спокойные, как вода в пасмурный день. Она не закрыла глаза. Он тоже.

Он наклонился. Коснулся губами её губ. Сухо. Коротко. Как печать на документе. Как подпись под договором. Её губы были холодные — не от волнения, а от сдержанности. Она не ответила на поцелуй. Он не ждал. Он выпрямился. Она опустила глаза.

Никто в церкви не вздохнул, не улыбнулся, не переглянулся. Сделка была скреплена.

Они вышли из церкви Святого Кутберта. Снег падал на её золотистые волосы. Она не улыбалась. Он — тоже.

Глава 1. Дом на набережной

Особняк Вейлов стоял на набережной реки Альд. И в то утро, когда Лилиана проснулась, речные крачки кричали над водой так пронзительно, что их голоса пробивались сквозь толстые каменные стены и тяжёлые шторы. Вейлмар был речным городом, и крачки здесь были наглее столичных аристократов: они требовали рыбы, дрались за место на отмелях и не умолкали ни на минуту.

Лилиана лежала с закрытыми глазами и слушала их. Она знала этот крик. За пять лет она выучила его так же хорошо, как выучила скрип половиц в коридоре, запах воска и старых книг, которым пропитался дом.

Она открыла глаза.

Потолок над ней был высокий, с лепниной, изображавшей венки из лавра и дубовые листья. Лепнина потемнела от времени и копоти — даже здесь, в верхнем ярусе, даже в доме маркиза, воздух был пропитан дымом заводов нижнего яруса. К полудню смог добирался и сюда, стелился по мостовым, забивался в лёгкие. Но пока было утро, и за окнами висел только туман — серый, плотный, поднимавшийся с реки и смешанный с гарью. В нём тонули очертания соседних домов, купола церквей, шпили академии. В нём тонул весь Вейлмар.

Лилиана лежала одна.

Постель рядом с ней была холодной и гладкой — её застилали прошлым утром, и с тех пор к ней никто не прикасался. Она провела рукой по простыне. Холодная. Как всегда.

Спальня мужа была через коридор. Когда-то — давно, в первые месяцы брака, — они делили одну спальню. Она помнила это смутно, как помнят сон: его руку на своей талии, его дыхание на затылке, его молчание в темноте. Потом он стал возвращаться позже. Потом — ещё позже. Потом она перестала ждать, а он перестал приходить. Она не помнила, когда это случилось. Может, год назад. Может, два. Просто в какой-то момент она поняла, что спит одна, и что ей это даже нравится.

Она поднялась. Надела халат — простой, шерстяной, без кружев, тёмно-серый, как утро за окном. Шёлк она не носила. Шёлк был для жен, которые ждут мужа. Она его не ждала.

В зеркале — старинном, в золочёной раме, потемневшей от времени, — отразилась молодая женщина с золотистыми волосами, собранными в небрежный пучок, и карими глазами, которые сегодня казались темнее обычного. Она не спала полночи. Читала. Перечитывала «Трактат о летучих маслах» — старую книгу в потрёпанном переплёте, которую нашла в библиотеке мужа. Она не любила вышивать, однако довольно много читала. Библиотека была для нее самой большой ценностью во всем огромном доме Вейлов. Библиотека была настолько огромной, что ей иногда казалось, что книги там материализуются сами по себе. Иногда на уже изученном ею стеллаже появлялись новые тома. Наверно когда горничные в очередной раз стирают пыль с бесценных фолиантов из глубин шкафов достают все новые и новые экземпляры. Она даже ждала новой уборки, вдруг она приведет к появлению нового бесценного томика. Она читала в библиотеке и здесь, в своей спальне, при газовом рожке — тусклом, прикрученном до минимума, — до тех пор, пока буквы не начинали расплываться. Книги были её отдушиной. В них, а не в муже она нашла покой и радость.

И средства, что выдавал ей супруг на милые сердцу мелочи она тратила не на очередное платье или ненужное ожерелье, а на новые книги, подписки на научные журналы и альманахи. Она даже не пыталась просить мужа разрешить ей работать, хотя были леди которые работали. Хотя бы немного, для себя. Но для маркизы Хизердейл это было недоступно. Супруг бы не понял и не одобрил. Он дал ей все что может пожелать женщина и даже больше. Только вот беда, того единственного чего хотело ее сердце он дать не смог. Любовь.

Нет-нет она не была неблагодарной. Она прекрасно понимала, что он женился на ней — женщине без семьи и особого статуса из своего удобства. Даже приданное, которое надо сказать он не стал забирать, оставил ей и даже управлял им чтобы хоть немного увеличить. Как шептались в светских столовых: он женился на ней хотя у него была возможность составить гораздо более блестящую партию.

Маркиза Хизердейл входила в полдюжины различных благотворительных организаций, но в отличие от других светских кумушек пыталась действительно что-то изменить. И иногда у нее это даже получалось. Не сумев забеременеть она всю свою любовь отдавала приюту Святой Марты для девочек. Это было непопулярное заведение. Все светские дамы старались участвовать в судьбе приюта Святой Урсулы, ведь именно там в попечителях состояли самые сливки общества. В приюте Святой Марты в попечителях была только она и еще пара жен промышленников средней руки. Там она бывала часто. Помогала не только деньгами, но часто устраивала для девочек чаепития, читала им книги, учила вышивать и вести дом. Настоятельница была ей благодарна и девочки относились к ней с теплотой. Там её по настоящему ждали.

Она спустилась в столовую. Прислуга уже накрыла на стол — кофе в серебряном кофейнике, тосты под салфеткой, варенье из инжира в хрустальной розетке. Всё как всегда. Всё на своих местах. Сегодня она снова ела одна. Последние пару лет всегда одна. За эти годы она привыкла завтракать в тишине, слушая, как тикают часы в гостиной — старые, напольные, с маятником, которому было больше лет, чем кажется деду Вейла. Тик. Так. Тик. Так. Как будто время шло только для неё одной. Как будто дом спал, и только она бодрствовала.

Над столом горела люстра, хотя за окном уже давно рассвело — она ярким пятном заливала стол, приглушённый, потому что утро ещё боролось с туманом за окнами. Газ шипел едва слышно, ровно, успокаивающе. В столовой всегда пахло газом — этот запах въелся в стены, в шторы, в скатерти. Лилиана давно перестала его замечать. Как перестала замечать многое.

На подносе лежала записка.

Почерк мужа — резкий, угловатый, как будто он писал не пером, а лезвием. Буквы наклонены вправо, нажим сильный, чернила продавили бумагу.

«Прости, сегодня снова на работе допоздна. Не жди».

Лилиана взяла записку. Поднесла к лицу. Ничем не пахнет. Просто бумага, чернила и скупые слова. Она перевернула её. Пусто. Он всегда оставлял записки. Всегда сообщал когда планирует вернуться, хотя она уже и не просила. Ритуал. Она положила записку на стол. Рядом с тарелкой. И стала есть тост.

Таких записок становилось всё больше.

Раньше он приходил к ужину. Каждый вечер. Садился напротив, разворачивал салфетку, говорил о делах — коротко, скупое, но говорил. Она слушала, кивала и иногда задавала вопросы. Он иногда отвечал. Потом он стал приходить к полуночи. Потом — за полночь. Потом — не приходить вовсе. Записки стали ежедневными. Спальня мужа — холодной. Разговоры — короткими. Она перестала спрашивать. Он перестал отвечать.

Она доела тост. Допила кофе. Кофе остыл, но она не заметила. Вкуса она тоже не чувствовала. Она быстро смогла привыкнуть к бедности после смерти родителей. К богатству привыкать проще.

Экономка, миссис Прентис — женщина лет пятидесяти, со строгой прической, строгим платьем и строгими правилами, — вошла в столовую с почтой на серебряном подносе. Она служила в доме Вейлов тридцать лет. Она видела, как Альдрик был ребёнком. Она видела, как он стал мужчиной. Она видела, как он женился. И она видела, как он отдаляется от жены. Она ничего не говорила. Она знала своё место.

— Миледи, — сказала она, — письма. И ещё это. Два письма пришли вчера вечером. Я забыла отдать их милорду.

Она протянула Лилиане два конверта. Один строгий: плотная бумага, восковая печать с гербом Вейлов — лавр и дубовые листья, как на лепнине. Лилиана узнала почерк управляющего Хизердейлом. Письма с севера приходили регулярно — раз в месяц, иногда два. Она никогда их не читала. Они были адресованы мужу. Она не лезла в его дела. Это было не ее дело. Как и многое другое в этом доме.

Второй конверт из дорогой веленовой бумаги. Оттиск на печати она не опознала. На красному сургуче в скошенном щите змея опоясывала лилию. В Алдорийской империи не было аристократических домов с подобным гербом, она их помнила все. Геральдику ей преподавали с трех лет.

От конверта тонко пахло трюфелем, черной орхидеей и кажется шоколадом. Совершенно не мужской запах.

— Отнесите в кабинет милорда, — сказала Лилиана. — Он прочитает их. Когда вернется.

Миссис Прентис кивнула и вышла. Лилиана осталась одна. Она смотрела на стену. Герб Вейлов. Восемьсот лет назад предок её мужа основал Вейлмар. Столица носила его имя. Но дом его был на севере. В Хизердейле.

Когда-то в самом начале он рассказывал про его земли и замок в котором вырос. Они тогда сидели у камина и так же как сегодня ему доставили почту из замка. Прочитав отчет он задумался, а потом рассказал о Хизердейле. Лилиана до сих пор помнит с каким теплом он вспоминал свой дом.

Замок Хизердейл был родовым гнездом маркизов и в его честь называли все земли им принадлежащие.

Замок этот не стремился ввысь кружевными башнями, он вращал в землю, подобно старому, упрямому зверю. Он сложен из грубого, темно-серого гранита, который веками впитывал влагу туманов и холод северных ветров. Расположенный на скалистом выступе над глубоким ущельем, замок кажется продолжением самой скалы — таким же неприступным и молчаливым.

Зимой Хизердейл преобразается. Когда снег укрывает окрестные холмы, замок становится центром белого безмолвия. Его остроконечные крыши, покрытые толстым слоем снега, напоминают седые головы древних воинов. Ветви вековых елей, растущих у подножия стен, гнутся под тяжестью белых шапок, и только глухой стук ворот да завывание вьюги в каминных трубах нарушают тишину.

Но главное его очарование раскрывается летом, когда снега сходят, обнажая склоны, поросшие вереском. Это море лилового и розового цвета подступает к самым стенам замка, словно пытаясь согреть холодный камень. Вереск Хизердейла особенный — он цветет буйно и дико, наполняя воздух терпким, медовым ароматом, который смешивается с запахом торфяного дыма, вечно курящегося из труб.

Сам замок хранит следы времени. Внутри — узкие коридоры, где гуляют сквозняки, и огромные залы с закопченными каминами, способными вместить целое дерево. Стены украшены гобеленами, выцветшими до цвета вереска, и оленьими рогами, привезенными из давних охотничьих походов.

Глядя на Хизердейл, кажется, что он стоит здесь вечно. Он видел и кровавые клановые битвы, и тихие зимы, когда снег заметал дороги так, что замок оставался отрезанным от мира на целые месяцы. И сейчас, среди снегов и вереска, он хранит покой маркизата Хизердейл, оставаясь таким же незабываемым, как скалы, на которых он возведен.

Альдрик тогда сказал, что когда-нибудь они вернуться туда чтобы растить своих детей. Она тогда кивнула. Жаль, что не случилось. Возможно там они бы были счастливы.

Она взяла чашку. Кофе остыл окончательно.

День тянулся медленно. Ей казалось, что вся жизнь её тянется очень медленно. Она будто была мухой попавшей в кисель. Вначале трепыхалась, а потом устав от пустого сопротивления, позволила ему себя поглотить.

Целый день она занималась счетами — прислуга, провизия, уголь, газ, свечи. Она разговаривала с садовником — розы в этом году цвели плохо, смог душил их, как душил всё в этом городе. Они решили попробовать посадить что-то другое. Все равно она не любила розы. Белые розы она приносила на могилы отца и матери. Для нее они ассоциировались с кладбищем. Она проверяла меню на ужин — хотя знала, что муж не придёт. Она делала всё, что делала всегда. Она была хозяйкой дома. Хорошей хозяйкой. Так её учили — гувернантки, нанятые тёткой, которые вбивали в неё правила, как гвозди в доску. Так учила её тётка — женщина, которая вырастила её из чувства долга, а не из любви. Так учила жизнь.

Она старалась быть хорошей женой. Правда старалась. Она знала, как вести дом, как принимать гостей, как говорить с прислугой, как молчать, когда нужно молчать. Она выучила это как таблицу умножения. Но в жизни мужа она занимала мало места. Почти никакого. Она была женой. Просто женой. Частью дома. Как портреты на стенах. Как часы в гостиной. Как мебель.

Возможно если бы у них появились дети, она смогла бы стать счастливой. Жила бы для них и ради них.

Она не жаловалась. Жаловаться — ей не пристало, да и не на что. Альдрик, как и обещал был хорошим мужем. Но иногда, поздно вечером, когда дом затихал и только часы продолжали свой бесконечный тик-так, она сидела у окна и думала: «Кто я? Для чего я родилась? Что из себя представляю кроме титула маркизы? Есть ли что-то ещё?»

Она знала ответ. Один раз в жизни она позволила себе выбрать самой.

Это было, когда ей было девятнадцать. Тётка решила, что племяннице пора замуж, и начала вывозить её в свет — в те редкие салоны, куда их пускали. Лилиана стояла у стен, смотрела на танцующих и чувствовала себя вещью на продажу. Красивой, хорошо воспитанной вещью. Тогда она и решила поступить на курсы химии в академии Вейлмара. Тётка была против. «Зачем? Ты выйдешь замуж. Химия тебе не нужна. Это новомодная блажь этих профурсеток гордо именующих себя суфражистками. Это не для благородных девушек». Но Лилиана настояла. Впервые в жизни. Ей было девятнадцать, и она хотела что-то, что принадлежит только ей.

Курсы оказались формальностью. Современным веянием. Эмансипация входила в моду, и академия открыла двери для девушек. Большинство пришли туда не за знаниями. Они пришли за женихами. Студенты-химики, будущие инженеры, сыновья фабрикантов — хорошие партии. Девушки хихикали, строили глазки и выходили замуж к концу второго курса.

Лилиана не хихикала. Она слушала. У неё были учителя — седой профессор Отто Вельдт, который объяснял законы природы так, будто рассказывал сказки, и первая женщина-химик в Алдорийской империи, мадам Эллоиза Курье, которая вела у них курс. Женщина с усталыми глазами и руками в пятнах от реактивов. Но Лилиана видела другое: женщину, которая познавала законы мира сама и не боялась открывать их другим.

Мадам Курье говорила: «Мир состоит из веществ. Вещества подчиняются законам. Если ты знаешь эти законы — ты можешь познать мир».

Лилиана запоминала. Всё. Формулы, реакции, свойства элементов. Она не знала, зачем ей это. Но это было её. Только её. Здесь, в этой лаборатории куда другие курсистки почти не ходили она была собой. Ей не нужно было учиться чтобы выжить, она училась для себя, чтобы лучше понимать этот мир и себя в этом мире.

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Два года пролетели незаметно.

Она закончила курсы с отличием. Единственная. Остальные девушки получили дипломы и мужей. Лилиана получила знания. И чувство, что она — не просто будущая жена, мать, хозяйка, а что-то ещё.

Через полгода после окончания курсов она вышла замуж.

Вечером она сидела в гостиной. Газовые бра на стенах горели ровно, отбрасывая тёплые пятна света на обои — тёмно-зелёные, с золотым тиснением, выцветшим от времени. Люстра под потолком — тяжёлая, бронзовая, с хрустальными подвесками — тоже горела, но приглушённо: миссис Прентис знала, что хозяйка не любит яркий свет. Газ шипел. Часы тикали. Прозвучал десятый удар. Одиннадцатый. Полночь.

Он снова не пришёл.

Она поднялась. Прошла в его кабинет. Там горел только один газовый рожок — над столом, прикрученный до синевы. На столе лежал конверт из Хизердейла и тот другой. Он казался ей той самой змеей, что была изображена на сургуче. Она взяла его. Долго смотрела на печать. Запах черной орхидеи почти выветрился. Потом положила обратно. Не вскрыла. Не имела права.

Она вернулась в свою спальню. Прикрутила газ. Легла. Закрыла глаза. Крачки замолчали. Дом спал.

Она тоже.

Глава 2. Слухи и поздний ужин

Благотворительный вечер в пользу приюта Святой Урсулы проходил в доме графини Морвен, в Верхнем ярусе, на улице, которую газовые фонари освещали так ярко, что казалось, будто здесь никогда не бывает ночи. Лорд Уинтертон поручил столь важное мероприятие своей старой знакомой. Леди Морген была безупречно чопорной дамой. Вдовой прославленного генерала почившего героем в битве при Каррагане. От него вдове досталось солидное состояние, медные рудники и огромный дом в котором она с большим удовольствием принимала distinguished леди и джентльменов.

Лилиана приехала одна. Альдрик должен был приехать позже — у него были дела, — но она уже знала, что он не приедет. Дела всегда побеждали. Благотворительные приемы её муж не считал важными мероприятиями и крайне редко сопровождал на них супругу.

Она вошла в залу, где пахло воском, пудрой и дорогими духами. Газовые люстры горели ровно, отбрасывая свет на дам в шелковых платьях и кавалеров в чёрных фраках. Слуги разносили шампанское в хрустальных бокалах. На столах стояли легкие закуски и шикарные ледяные скульптуры. Играл струнный квартет — тихо, ненавязчиво, как фон для разговоров, которые были важнее музыки. Танцы сегодня не планировались. Значит сплетен будет еще больше.

Лилиана вздохнула, она знала здесь почти всех. Она была маркизой Хизердейл — женой главы Тайной Канцелярии, женщиной, чьё имя произносили с уважением, смешанным с опаской. Её приглашали на все приёмы, её мнение выслушивали, её улыбку искали. Но она знала цену этой популярности. Её любили не за неё. Её любили за него.

Она прошла через залу, кивая знакомым, обмениваясь вежливыми фразами. Леди Морвен, хозяйка вечера, поприветствовала её с преувеличенной любезностью:

— Маркиза! Как я рада вас видеть. Ваш муж так занят в последнее время. Мы его совсем не видим, — попеняла она Лилиане, но не забыла присесть в реверансе положенном ей по статусу.

— Дела империи, — ответила Лилиана с улыбкой, которая давно стала её второй натурой. — Вы знаете, как это бывает.

— О да, — леди Морвен понимающе кивнула, но в её глазах мелькнуло что-то — любопытство, может быть, злорадство. — Дела империи. Империя не может ждать. Разумеется.

Лилиана отошла. Она знала этот взгляд. Она видела его всё чаще в последние месяцы. Дамы, которые ещё год назад искали её общества, теперь смотрели на неё с той особой жалостью, которую испытывают к женщинам, чьи мужья охладели. Лилиана не была слепой. Она видела, как они перешёптываются за её спиной.

Она нашла укромное место у окна — не слишком далеко от общества, но и не в центре. Отсюда она могла наблюдать. Это было её привычкой — наблюдать. В детстве, в доме тётки, она научилась быть незаметной, чтобы лишний раз не досажать. В браке это умение пригодилось.

Она смотрела на залу — на дам в шелках и бархате, на кавалеров с бокалами, на слуг с подносами. Все они играли свои роли. Лилиана играла свою. Она была женой главы Тайной Канцелярии — и играла эту роль безупречно.

За её спиной, у стены, стояли две дамы. Лилиана не обернулась — она знала их по головам. Леди Кэтрин Холт, еще одна вдова с острым языком, и леди Миранда Стэнфорд, жена банкира, которая всегда узнавала все сплетни первой.

— Вы слышали? — голос леди Стэнфорд был приглушён, но отчётлив. — Говорят, маркиз совсем потерял голову из-за этой корвейнки.

Лилиана замерла. Сердце пропустило удар. Потом ещё один. Она не обернулась. Не изменила выражения лица. Но её пальцы, державшие бокал, побелели.

— Какой ужас, — тихо ответила леди Холт с притворным сочувствием. — А бедная маркиза? Она, кажется, ничего не замечает.

— Она всегда была слишком тихой и высокомерной. Может, это к лучшему. По крайней мере, не устраивает сцен. Возможно она знает. Вы же помните кто она и откуда? Он буквально подобрал её чуть ли не в Нижнем ярусе. Что ей бедняжке делать? А он же красавец. Помните ему прочили дочь канцлера.

— Изабеллу? Скажете тоже, милая! Кому ее только не прочили, а так и сидит незамужняя. Скоро станет старой девой, ведь ей уже девятнадцать! Вы и правда думаете, что маркиза знает?

— А то как же. Маркиз же выводит эту дамочку в свет. Вы видели как они танцевали на приеме у Уинтертона? Она прижималась к нему как кошка, а потом они оба куда-то исчезли.

— А эта корвейнка — кто она? Говорят, вдова. Говорят, красавица.

— О, она не просто красавица. Она из тех, кто знает, чего хочет и умеет это получить. Мужчины от таких теряют голову. Говорят она бежала из своей страны. То ли от ревнивого любовника, говорят что это сам наследный принц Корвейна, то ли от происков их тайной канцелярии.

Лилиана слушала. Она не двигалась. Она дышала ровно, глубоко, как учили её гувернантки — держать спину прямой, не показывать эмоций. Но внутри что-то сжималось. Что-то темное, холодное, тяжелое поднималось в груди.

«Корвейнка». Так в Вейлмаре называли женщин из Корвейна — враждебной империи на востоке. Корвейн и Алдория враждовали столетиями. И если верить сплетням, её муж потерял голову из-за женщины бежавшей из вражеского государства?

Она знала, что корвейнки красивы своей особенной экзотической красотой.

Она не верила. Не хотела верить. Альдрик был холоден, отстранён, но он был честен. Он всегда был с ней честен. Это было частью сделки. Он обещал быть хорошим мужем. Разве нет?

Она вспомнила записки. Допоздна. Не жди. Пустая спальня через коридор. Холодная постель.

«Может, я не так поняла», — подумала она. «Может, это просто сплетни. Свет всегда преувеличивает».

Почему она это услышала именно сейчас? Или она услышала это слишком поздно?

Тут она вспомнила про письмо, что лежало в кабинете её мужа и пахло черной орхидеей. Могла ли это быть она? Или она себе все придумала?

Она допила шампанское. Поставила бокал на поднос проходящего слуги. И осталась стоять у окна, глядя на улицу, где продолжалась жизнь. Не смотря на позднее время город суетился, столица не спала: экипажи стучали колесами по Мостовой, возницы прикрикивали на лошадей, лоточники собирали свой товар, а припозднившиеся прохожие кутались в плащи и пальто.

Вечер тянулся. Она разговаривала с дамами, улыбалась, кивала. Играла свою роль. Разыграла благотворительные лоты. Она пожертвовала деньги. Много. Как всегда. Ее и её благородство возносили до небес, но отчего-то стало мерзко. Слова сплетниц не выходили у неё из головы.

Она вернулась домой уже глубокой ночью. Особняк Вейлов был тих как впрочем и всегда. Миссис Прентис ждала её в прихожей.

— Миледи, — сказала она, — милорд вернулся. Он в столовой. Приказал подать ужин.

— Ужин за полночь?

— Милорд так распорядился. Вы присоединитесь? Велеть подать еще приборы?

Лилиана остановилась. Он вернулся? Впервые за неделю?

— Да, подайте. На приеме я почти ничего не съела.

Она прошла в столовую. Люстры горели ярче обычного — видимо, прислуга зажгла их, когда он вернулся. Альдрик сидел во главе стола. Он был в чёрном сюртуке, белые волосы приглажены, прозрачные глаза смотрели на неё с тем выражением, которое она давно не могла расшифровать.

Он встал, когда она вошла.

— Лилиана, — сказал он. — Я задержался. Прости. Как твой вечер?

Она кивнула. Села напротив. Слуга подал ужин — суп, рыба, овощи, вино. Всё как всегда. Всё на своих местах.

— Приемлемо. Сегодня нас приглашали на благотворительный обед. Разыгрывали лоты. Я от твоего имени пожертвовала на приют кругленькую сумму и теперь у нас есть весьма бескусная напольная ваза. Графиня Морген передавала тебе свою признательность.

— Хорошо.

Дальше они ели в тишине. Так было всегда. За пять лет она привыкла к тишине. Но сегодня тишина была другой. Она давила. Она звенела. Она была полна слов, которые Лилиана не решалась произнести.

Лилиана посмотрела на мужа. Он был очень красив. Красота его была хищной — красота клинка, который ещё не вынули из ножен, но который уже как-будто чувствуешь у горла. Высокий, поджарый, с плечами, которые не казались широкими, пока он не двигался, — а когда двигался, в них читалась сила, отточенная годами тренировок и дисциплины. Белые волосы — не седые, а скорее платиновые, блестели как первый снег на чёрной земле, — падали на лоб, и он привычно отбрасывал их назад, нетерпеливым жестом человека, которому некогда заниматься собой. Черты лица были правильные, почти классические, но слишком резкие, чтобы быть просто красивыми: острые скулы, волевой подбородок, тонкий нос с лёгкой горбинкой — след давнего перелома, о котором он никогда не рассказывал. Губы — полные, но как-будто сухие, плотно сжатые, как у человека, привыкшего молчать.

Глаза. О, глаза были его оружием.

Прозрачно-голубые, как вода в горном ручье, они казались светлыми до неестественности — особенно на фоне белых волос. И пронзительными. Он никогда не смотрел просто так. Он всегда смотрел сквозь — будто видел не лицо, а то, что за ним прячется: нутро или может быть самую душу. Люди под его взглядом начинали говорить лишнее. Признаваться в том, в чём не признались бы даже себе. Лилиана за пять лет так и не привыкла к этому взгляду. Она всегда чувствовала себя под ним обнажённой — не телом, а душой.

Красота его была красотой хищника, который не охотится, потому что знает: добыча сама придёт к нему. И она приходила. Женщины в свете смотрели на него и опускали глаза. Мужчины говорили с ним и теряли уверенность. Он не замечал ни того, ни другого. Или делал вид, что не замечает.

Лилиана когда-то — давно, в первые месяцы брака — думала, что эта красота согреет её. Что за холодной внешностью скрывается огонь. Что белые волосы — это лёд, а глаза — это небо, и если долго смотреть в небо, рано или поздно из-за туч появится солнце.

Она ошибалась. Лёд остался льдом. Небо — небом. Солнце не взошло. Оно осталось в тумане Вейлмара, что носит имя его предка.

Он был красив. И это было единственное, что она знала о нём наверняка.

— Где ты был? — спросила она наконец.

Он поднял на неё глаза. Прозрачные. Холодные. Как лёд на реке Альд в январе.

— Дела, — ответил он.

Она кивнула. Не настаивала. Жена не настаивает.

Он доел. Отодвинул тарелку. Помолчал. Потом сказал:

— Я уезжаю на неделю. На север. В Хизердейл. Надо решить вопросы с арендаторами.

Он встал. Подошёл к ней. Наклонился. Коснулся губами её лба. Холодный поцелуй. Как печать на конверте. Формальность.

— Спокойной ночи, — сказал он.

— Спокойной ночи, — ответила она.

Он ушёл. В свою спальню. Она осталась одна. В столовой. С остывшим ужином и тишиной.

Она сидела долго. Смотрела на люстру над столом. Пламя горело ровно, сине-жёлтое, шипящее. Газ шипел. Часы тикали. Время шло.

Она думала о сплетнях. О корвейнке. Действительно ли её муж может потерять голову? Это вообще возможно? Она почти убедила себя, что кто угодно, только не он. Но Лилиана замечала. Она всегда все замечала. Она просто не знала, что с этим делать.

Она поднялась. Прошла в свою спальню. Прикрутила газ. Легла. Закрыла глаза.

Она не спала. Долго. Очень долго.

Глава 3. Осколки

На следующий день Лилиана отправилась в обувную лавку мастера Гроува на Ткацкой улице. Приём у канцлера был назначен через неделю, и бальные туфли — заказанные ещё в прошлом месяце — должны были быть готовы. Она могла бы послать горничную, но ей хотелось выйти из дома. Стены особняка Вейлов давили на неё в последние дни. Или, может быть, давила тишина. Или конверт с гербом-змеей, который она так и не вскрыла и который теперь жил в её памяти отдельной жизнью, обрастая догадками, как обрастает ракушками днище корабля.

Утро было серым. Туман с реки ещё не рассеялся, смешанный с дымом заводов, и желтые фонари вдоль набережной догорали, готовясь уступить свой караул тусклому солнцу. Кучер остановил экипаж в начале Ткацкой улицы — Лилиана попросила. Ей хотелось пройтись. Подышать воздухом, каким бы он ни был. Подумать.

В последнее время газеты трубили про всякие ужасы, что творятся в Нижнем ярусе, но Лилиана не любила газеты. Там писали либо сплетни, либо кошмары, либо про политику. Все это было ей не интересно. Она любила книги. Кстати о книгах, в книжной лавке должны были ей отложить свежее издание Альманаха трав и растений Алдорийской империи. Она его полгода ждала. Про травы в библиотеке Альдрика было преступно мало книг. Надо было бы зайти его выкупить.

Она вышла. Сунула руки в муфту — тёмно-серую, из меха неизвестного но судя по всему очень дорогого северного зверя, купленную мужем в первую зиму их брака. Тогда он ещё дарил ей подарки. Тогда он ещё не смотрел на неё как на предмет обстановки. Она помнила это смутно.

В книжной лавке она пробыла как обычно долго. Вместе с Альманахом она купила журнал с последней статьей Элизы Курье «Яды: вокруг и внутри. Путеводитель по самым опасным веществам на планете», а еще там опубликовали любопытную работу ученого, чье имя ей ничего не сказало «О нескольких детонирующих соединениях, получаемых с азотной кислотой и сахаром, декстрином, лактином, маннитом и глицерином».

Ткацкая улица была одной из тех улиц верхнего яруса, которые помнили старый Вейлмар — до заводов и до смога. Дома здесь были высокие, узкие, с черепичными крышами и витринами лавок на первых этажах. Мастерские, шляпные салоны, ювелирные, книжные. Газовые фонари на чугунных столбах — витые, с коваными цветами — горели ровно и ярко: здесь за ними следили. Лилиана шла медленно, глядя на витрины, но не видя их. В голове её звучали голоса вчерашних сплетниц. «Потерял голову». «Корвейнка». «Красавица». «Бежала от наследного принца». Она отгоняла их. Они возвращались.

Она почти дошла до лавки мастера Гроува, когда остановилась поправить шнур на книгах. Старый торговец его плохо закрепил и он готов был развязаться. Она сняла перчатку и попыталась перевязать книги заново на весу, но не получалось. Пришлось зайти за какое-то растение в кадке и облокотить на него книги. Наконец узел был побежден. Она вскинула голову и сдула непослушную прядь.

Почти рядом у соседнего крыльца салона женского платья мадам Веспер — лучшей швеи и модистки столицы, — стоял её муж.

Лилиана узнала его сразу. Высокую фигуру, белые волосы, чёрный сюртук. Но не это заставило её замереть. Заставила её замереть женщина, стоявшая рядом с ним.

Она была невысокая — чуть выше Лилианы, — и очень красивая. Не той красотой, которую замечаешь сразу: правильными чертами, благородной бледностью, спокойной грацией. Нет. Красота этой женщины была другой — яркой, дерзкой, живой. Тёмные волосы — почти

чёрные, с медным отливом — выбивались из-под шляпки, украшенной алыми перьями. Глаза — большие, раскосые словно у лани, тёмные как спелая вишня, смеющиеся. Губы — полные, волнующе улыбались. Она была вся движение — жест, поворот головы, вспышка смеха. Она была полной противоположностью Лилиане. Полной противоположностью тихой, спокойной, золотистой Лилиане, которая умела быть незаметной и считала это своим главным достоинством. Незнакомку нельзя было не заметить. Она приковывала взгляд. Даже сейчас проходившие мимо мужчины оборачивались.

Женщина держала Альдрика за руку.

Не за локоть. Не под руку, как держат спутника на прогулке. За руку. Пальцы в перчатках — её, тонких, лайковых, и его, неизменных, чёрных, — были переплетены. Они стояли близко. Так близко, что между ними не прошло бы и листа бумаги.

Лилиана не двигалась. Она стояла за дурацким цветком и не смела шелохнуться. Она стояла в двадцати шагах, и смотрела. Она не могла подойти и спросить мужа кто эта незнакомка и почему она так близко к нему прижимается. Она не могла отвести глаз. Она не могла дышать. Она не могла думать.

Женщина что-то сказала — Лилиана не расслышала слов, только звук, — и засмеялась. Потом подалась вперёд и поцеловала Альдрика в щёку. Легко, привычно, как целуют того, кого целовали тысячу раз. Альдрик не отстранился. Он смотрел на неё — и в этом взгляде, даже издали, Лилиана увидела то, чего не видела никогда в свой адрес. Мягкость. Тепло. Он смотрел на эту женщину так, как смотрят на что-то дорогое. На что-то своё.

— Спасибо, что оплатил платье, — донеслось до Лилианы. Ветер переменялся, и слова — обрывки слов — долетели до неё. — На балу я буду сиять.

— Драгоценности пришлют тебе на дом, — ответил Альдрик. Его голос — низкий, ровный — тоже донёсся. — Рубины. Они прекрасно оттенят твою карамельную кожу и подойдут к платью.

Он поднял руку и заправил выбившийся из-под шляпки локон ей за очаровательное ушко.

— Рубины, — женщина засмеялась снова, и в этом смехе было столько обещания, столько близости, что Лилиана почувствовала, как что-то внутри неё оборвалось. — Ты меня балуешь, Альдрик.

Она назвала его по имени. Просто. Без титула. Без «ваше сиятельство». Альдрик. Так его называла она, Лилиана, — в те редкие минуты, когда они были одни и когда она позволяла себе эту вольность. Оказывается, она не была единственной.

Лилиана стояла и смотрела. Она не могла пошевелиться. Ноги стали чужими, тяжёлыми, будто налитыми свинцом. Она думала: «Это ошибка. Это недоразумение. Это не то, что я думаю. Он не может. Он не такой. Он честен. Он всегда был честен».

Но она видела их руки. Видела поцелуй. Видела мягкость в его взгляде — мягкость, которой она не знала. Видела эту женщину — яркую, смеющуюся, красивую, — которая называла его по имени и которая говорила о платье, оплаченном им, и о рубинах, которые подарил ей он.

Лилиана могла пользоваться всей сокровищницей дома Хизердейл, а она была поистине бесценна и бездонна, но в этот момент она почувствовала себя воровкой. Женщиной, которая носит чужие драгоценности, спит в чужой постели, носит чужое имя — и не имеет права ни на что из этого. Всё, что у неё было, принадлежало не ей. Даже муж.

Она вспомнила письмо. Второй конверт. Змея, опоясывающая лилию. Запах трюфеля, чёрной орхидеи и шоколада. Совершенно не мужской запах.

Может быть, это она? Может, это её почерк? Может, это её герб?

Лилиана не знала. Она знала только одно: она не может подойти. Не может спросить. Не может ничего.

Она не имела права.

Жена не спрашивает. Жена не устраивает сцен. Жена не подходит к мужу на улице, когда он стоит с другой женщиной, и не требует объяснений. Так учили её гувернантки. Так учила её тётка. Так учила жизнь. Так о ней требовало общество.

Она развернулась. Медленно, как во сне. И пошла обратно — к экипажу, который ждал в начале улицы. Туфли она не померила. Она забыла о туфлях. Она забыла обо всём.

Кучер удивился, увидев её так скоро.

— Миледи? — начал он. — Вы уже...

— Домой, — сказала Лилиана. Голос её не дрогнул. Это было самое удивительное. Голос не дрогнул. Вот они годы тренировок. Она всегда была идеальной женой. — Поезжайте домой. Я устала.

Она села в экипаж. Прислонилась к холодной бархатной спинке. Закрыла глаза. Серые дома проплывали за окном — один, другой, третий. Туман вновь затягивал улицы. Вейлмар тонул в угрюмой мгле.

Лилиана не плакала. Она не могла плакать. Что-то внутри неё застыло. Что-то — там, где было сердце — покрылось льдом. Как река Альд в январе. Как глаза её мужа.

Все может быть не так, возможно она не так поняла, ошиблась и это вовсе ничего не значит.

Но как же его взгляд, он никогда не смотрел на неё так. Она снова и снова повторяла себе: «Я не имею права. Я не имею права. Я не имею права».

Карета медленно катилась по камням мостовой. Вейлмар дышал смогом и туманом. Лилиана сидела с закрытыми глазами и не знала, что делать.

Вечером мужа не было.

Она вернулась домой, сняла шляпку, перчатки, муфту. Отдала горничной. Прошла в столовую. Прислуга подала ужин — суп, рыба, овощи, вино. Всё как всегда. Она ела одна. Опять одна. За окнами стемнело. Газовые рожки горели ярко — миссис Прентис велела зажечь все, потому что хозяйка вернулась рано и выглядела бледной. Лилиана ела медленно. Не чувствовала вкуса.

После ужина она прошла в гостиную. Села в кресло у окна. Часы пробили девять. Десять. Одиннадцать. Она смотрела на улицу, где газовые фонари освещали пустую набережную. Река чернела за парашетом. Туман поднимался с воды.

В полночь миссис Прентис вошла в гостиную с подносом. На подносе лежала записка.

— Миледи, — сказала она тихо. — От милорда. Принесли с посыльным.

Лилиана взяла записку. Почерк мужа — резкий, угловатый, как будто он писал не пером, а лезвием.

«Прости, снова задержусь. Не жди».

Она держала записку в руках. Долго. Смотрела на буквы. На нажим. На чернила, продавившие бумагу.

Она смяла записку. Разжала пальцы. Бумажный комочек упал на пол. Она не подняла его.

Она сидела в кресле. Смотрела на газовый рожок. Пламя горело ровно. Газ шипел. Часы тикали.

Она не плакала.

Она просто сидела. И ждала. Не его. Себя. Того момента, когда она поймёт, что делать. Но понимание не приходило.

Глава 4. Приём у канцлера

Приём у канцлера был событием, которого ждал весь Вейлмар. Канцлер Алдорийской империи, лорд Хартли герцог Мантгомери, давал бал дважды в год — зимой и летом, — и попасть на него считалось признаком принадлежности к высшему обществу. Лилиана знала это. Она знала и то, что Альдрик не любил такие мероприятия. Слишком много людей. Но это часть его работы, он обязан общаться с людьми, наблюдать, изучать, возможно следить.

Разумеется, он поехал. Ради неё. Или ради долга. Она не знала.

Он появился перед балом — впервые за три дня. Лилиана уже была готова. Платье — тёмно-синее, дорогое, но скромное, без излишеств, — сидело безупречно. На шее и в ушах и запястьях — фамильные драгоценности Хизердейлов: сапфиры в серебре, старинные, тяжёлые, холодные. Они принадлежали его матери, а до нее его бабке, а до нее многим поколениям маркиз Хизердейл. Теперь — ей. Она носила их как золотые доспехи. Дорого, почетно и душит.

Альдрик вошёл в её спальню без стука — впервые за долгое время. Он был в чёрном фраке, белоснежной рубашке, с орденом Святого Георгия на груди. Белые волосы приглажены. Прозрачные глаза — спокойны. Он выглядел так, как должен выглядеть глава Тайной Канцелярии: опасно, благородно, недостижимо.

Он посмотрел на неё. Долго. С головы до ног.

— Ты очаровательна, — сказал он. Одобрение. Не восхищение. Одобрение.

Лилиана кивнула. Она не спросила о вчерашнем. Не спросила, потому что не имела права. Не спросила, потому что боялась услышать ответ. Не спросила, потому что где-то глубоко внутри ещё теплилась надежда: может, показалось. Может, не так поняла. Может, это ничего не значит.

— Мы едем? — спросила она.

— Едем.

Они спустились вниз. Сели в экипаж. Дорога была не долгой. Им вообще не обязательно было ехать, можно было и дойти, но люди их положения не ходят друг другу в гости пешком. Река чернела за парапетом, в ней отражались окна роскошных домов, свет фонарей и темнеющее небо.

В экипаже они молчали. Лилиана смотрела на свои руки в перчатках. Альдрик смотрел в окно. Они сидели практически касаясь друг друга, но были бесконечно далеки. Это расстояние она замечала всё чаще. Оно росло с каждым днём.

Карета остановилась у дворца канцлера. Он сверкал огнями. Лакей открыл дверцу. Альдрик вышел первым, подал ей руку. Она взяла. Перчатка о перчатку. Как всегда.

Залы канцлерского дворца сияли. Газовые люстры — огромные, бронзовые, с сотнями хрустальных подвесок — заливали залу тёплым светом. Музыка — камерный оркестр и арфа — плыла над толпой. Дамы в шелках и бриллиантах, кавалеры в чёрных фраках, слуги с подносами шампанского. Всё как всегда. Всё на своих местах.

Лилиана вошла под руку с мужем. Она чувствовала на себе взгляды. Десятки взглядов. Они скользили по её платью, по драгоценностям, по её лицу. Она держала спину прямой. Улыбалась. Кивала. Идеальная жена. Идеальная маркиза.

Шушукание началось почти сразу.

Она слышала его — за спиной, сбоку, в толпе. Обрывки фраз. «Маркиза Хизердейл...» «Говорят, он...» «А она ничего не замечает...» «Бедняжка...» Она не оборачивалась. Не искала глазами сплетниц. Она просто шла. Рядом с мужем. Под руку. Как положено.

Альдрик был холоден. Безупречно вежлив. Он здоровался с нужными людьми, обменивался фразами, кивал. Он вёл её через толпу, как ведут корабль через рифы: уверенно, точно,

без лишних движений. Он не замечал шёпота. Или делал вид, что не замечает. Возможно ему было все равно. Кто посмеет обсуждать или, не дай Господь, осуждать самого главу Тайной канцелярии? То ли дело она. Выскочка маркиза Хизердейл.

В один момент все изменилось. Вокруг как-будто образовался вакуум. Воздушный пузырь. Место освободилось само собой, будто в центре зала вокруг четы Вейл сама собой образовалась арена шапито. И Лилиана была на этой арене коронным номером.

Что же произошло? Всего навсего появилась она.

Лилиана почувствовала её раньше, чем увидела. Что-то изменилось в воздухе — как будто стало больше электричества, больше тепла, больше жизни. Люди оборачивались. Мужчины — с интересом. Женщины — с завистью. А потом Лилиана увидела её.

Она шла через залу, и зала будто расступалась перед ней. Высокая, стройная, в платье цвета спелой вишни — с глубоким декольте, которое открывало плечи и шею, подчеркивало волнующие ключицы и пышную грудь. Тёмные волосы уложены в сложную причёску, из которой выбивались непослушные локоны. Глаза — раскосые, смеющиеся, тёмные как вишня в обрамлении пушистых ресниц подведены черным, что делало их еще глубже и еще привлекательнее. Губы — полные, улыбающиеся. На шее — рубины. Крупные. Кроваво-красные. Они горели в свете люстр, как угли, а один, самый крупный утопал в ложбинке груди.

Рубины. Те самые. Которые он подарил ей. Которые «оттенят карамельную кожу» и «подойдут к платью».

Лилиана замерла. Она стояла под руку с мужем, в своём тёмно-синем платье, в сапфирах Хизердейлов, и смотрела на неё. На женщину, которая шла прямо к ним. На женщину, которая улыбалась. На женщину, которая знала что-то, чего не знала Лилиана. На женщину, которая не стеснялась заявлять права, на то что ей понравилось, на то, что она считала своим.

Она подошла. Остановилась. Улыбнулась — ослепительно, открыто, как улыбаются старым друзьям. Потом сделала глубокий реверанс. Но даже слепому стало бы понятно, что это не дань уважения высокому лорду, а способ показать свои достоинства в наиболее выигрышном свете. Рубин блеснул привлекая к себе внимание.

— Маркиз, — сказала она. Голос низкий, с лёгкой хрипотцой. Корнвейский акцент — едва заметный, но чувственный. — Какой приятный вечер.

— Мадам де Рош, — ответил Альдрик. Голос ровный. Ни тени эмоции. — Позвольте представить вам мою жену. Лилиана, маркиза Хизердейл.

— Лилиана, позволь представить. Селеста де Рош, баронесса Витре.

Селеста повернулась к Лилиане. Улыбка не померкла. Глаза — тёмные, внимательные — скользнули по её лицу, по платью, по сапфирам. Оценивающе. Быстро. Почти незаметно.

— Маркиза, — сказала она, слегка наклоняя голову. — Очарована. Ваш муж так много о вас рассказывал.

Ложь. Лилиана знала, что это ложь. Альдрик никогда о ней не рассказывал. Никому. Он вообще о ней не говорил.

— Вы очень добры, — ответила Лилиана. Голос не дрогнул. Улыбка не померкла. Она держала спину прямой. Она приветливо улыбалась. Она была идеальной женой.

Селеста засмеялась — легко, музыкально.

— Доброй я не была никогда. Просто говорю то, что вижу. Вы прелестны. Правда. Эта скромность, эта тихая красота... — Она склонила голову набок, как птица. — Знаете, мне казалось, что маркиз предпочитает что-то ... яркое. Но, видимо, я ошиблась.

Она посмотрела на Альдрика. Долго. Многозначительно. Уголок её губ приподнялся.

— Не так ли, Альдрик?

Она сказала его имя. Просто. Без титула. Так, как говорят с тем, кого знают близко. Очень близко.

Альдрик не ответил. Он смотрел на Селесту — и в его взгляде было что-то. Не мягкость, как тогда. Что-то другое. Напряжение. Как будто он сдерживался. Как будто хотел что-то сказать, но не мог.

Селеста улыбнулась ещё шире.

— Ну, не буду вам мешать. У вас, наверное, дела. Светские обязанности. Приятного вечера. Вы просто обязаны сегодня танцевать, ведь Альдрик великолепный... партнер — Она посмотрела на Лилиану. — Было риятно познакомиться, маркиза. Надеюсь, мы ещё увидимся.

Она ушла. Растворилась в толпе. Вишнёвое платье мелькнуло и исчезло. Только рубины ещё горели в памяти — красные, как кровь.

Лилиана стояла. Дышала. Ровно. Глубоко. Как учили.

— Пойдём, — сказал Альдрик. — Я хочу поздороваться с канцлером, пока не объявили первый танец.

Он взял её под руку. Она пошла. Ноги двигались. Губы улыбалось. Внутри — всё замерло.

Они танцевали. Один танец. Вальс. Альдрик вёл уверенно, точно, без лишних движений. Лилиана следовала. Как следовала за ним всегда. Она чувствовала его руку на талии — через ткань платья, через корсет, через тонкий батист нижней рубашки. Твердую. Отстранённую. Он смотрел вверх её головы. Она смотрела на его галстук.

Танец был холодным и точным. Как всё между ними.

— Ты близко знаком с мадам де Рош? — спросила она тихо. Так тихо, что он мог не услышать.

Он услышал. Его рука на её талии не дрогнула.

— Не близко. По делам службы, — ответил он.

— По делам службы, — повторила она. — Всего лишь?

— Да.

Он не сказал больше ничего. Она не спросила.

Танец закончился. Он поклонился. Она присела в реверансе. Всё как положено. Идеальная пара. Идеальный брак.

Потом он сказал:

— Прости. Мне нужно отойти. Надо кое с кем переговорить. Выпей шампанского. Канцлер утверждал, что оно из его личной коллекции. Сегодня он открыл несколько бутылок которые купил на аукционе в прошлом году. Оно должно быть чудесно.

Она кивнула. Он ушёл. В толпу. И она осталась одна.

Одиночество в толпе — самое горькое одиночество. Лилиана стояла у колонны, держа бокал с шампанским, которое не пила. Канцлер обманул, оно горчило. Дамы проходили мимо. Некоторые улыбались. Некоторые кивали. Некоторые — смотрели с жалостью. Или с любопытством. Или с плохо скрытым злорадством. А может Лилиане это просто казалось.

— Миледи Хизердейл, — раздался голос сбоку. — Какая неожиданность. Я думала, вы не выезжаете.

Леди Кэтрин Холт. Почтенная леди с острым языком. В тёмно-бордовом платье, с перьями в причёске.

— У вас неверная информация. Я выезжаю, — ответила Лилиана. — Не часто.

— Как мило. — Леди Холт улыбнулась, но улыбка не коснулась глаз. — А ваш муж? Он так занят в последнее время. Вы не боитесь, что он найдёт утешение в другом месте?

Это был уже не намек — откровенный вызов.

Лилиана держала спину прямой. Улыбка не померкла.

— Вы на что-то намекаете? Мой муж служит империи, — сказала она. — И это главная женщина в его жизни.

Леди Холт засмеялась — коротко, сухо.

— О, миледи. Позвольте заметить. Мне в моем возрасте простительно. Вы так наивны. Империя — это одно. А плоть — другое. Мужчины слабы. Даже если мужчина — маркиз и даже если Глава Тайной канцелярии. Они привыкли получать всё, что хотят. А когда не получают дома...

Она не договорила. Ей не нужно было. Лилиана поняла. Все поняли.

— Но, милая маркиза, — Леди Холт продолжила. — Вы так молоды. Вы просто обязаны танцевать. Вокруг столько блестящих кавалеров. Вот, например, граф фон Харден. Мне кажется он смотрел сегодня на вас когда вы танцевали.

— Я не очень люблю танцы, леди Холт. Прошу меня простить, — сказала Лилиана. — Мне нужно освежиться.

Она отошла. Не потому что хотела освежиться. Потому что хотела уйти. От этого голоса. От этих ядовитых слов. От этой жалости. От всего.

Она шла через залы. Искала его. Не потому что скучала или действительно хотела найти. Потому что должна. Ее одиночество затягивалось и это уже выглядело странно. Идеальная жена не стоит в одиночестве у колонны, она должна быть подле супруга. Она должна была пресечь сплетни. Она должна была поддерживать дом Вейлов. Должна была быть достойной маркизой. Поэтому мужа надо было найти. И она искала. Как назло, навстречу не попалось ни одного лакея, ни одной служанки. В первой зале его не было. Во второй — тоже. Галерея была длинной и тихой. Портреты предков канцлера — надменные лица, тёмные рамы, глаза, которые следили за каждым шагом, — висели на стенах. Ковры заглушали шаги. Газовые бра на стенах горели приглушённо, и тени метались по потолку, как живые. Дверь в конце галереи была приоткрыта. Свет — тусклый, дрожащий. Звук — тихий, но отчётливый.

Стон.

Лилиана остановилась. Сердце пропустило удар. Потом ещё один. Она не должна была подходить. Не должна была смотреть. Она знала это — всем своим существом, каждой клеткой, каждым нервом, — и всё равно шагнула вперёд. Потом ещё. Потом заглянула.

Селеста стояла лицом к двери, но на нее не смотрела.

Голова ее была запрокинута, лиф вишнёвого платья с глубоким декольте спущен с плеч. Карамельная кожа. Гладкая. Без единого изъяна. Плечи, шея, ключицы — всё открыто, всё выставлено напоказ, всё для него. Рубины на её обнаженной идеальной груди горели в полутьме, как капли крови. Как угли. Они отбрасывали алые искры и казались живыми.

Альдрик стоял перед ней. Близко. Очень близко. Так близко, что между ними не осталось воздуха. Его руки лежали на её обнажённых плечах. Большие пальцы — на ключицах. Медленно. Нежно. Так, как он не касался Лилианы никогда.

Селеста что-то прошептала ему на ухо. Лилиана не расслышала слов — только звук, низкий, гортанный, чувственный. Потом Селеста привстала на носках — легко, грациозно, как кошка, — и поцеловала его. Долго. Глубоко. Страстно.

Альдрик не отстранился.

Он ответил.

Его руки скользнули с её плеч на спину. Прижали. Крепче. Ближе. Селеста застонала — или это был он, Лилиана уже не понимала, не хотела понимать, — и пальцы брюнетки зарылись в его белые волосы, и её тело прижалось к его телу, и рубины на её груди блеснули в свете газового рожка, как последняя насмешка.

Лилиана не помнила, как вышла.

Не помнила, как прошла галерею. Как спустилась по лестнице. Как нашла свой экипаж. Как велела кучеру отправляться домой. Голос не дрогнул. Это было самое удивительное. Голос не дрогнул. Пять лет обучения. Пять лет дисциплины. Пять идеальных лет.

Она села в экипаж. Прислонилась к холодной бархатной спинке. Закрыла глаза. Экипаж тряслась по булыжной мостовой. Фонари проплывали за окном — один, другой, третий. Туман затягивал улицы. Вейлмар тонул в серой мгле.

Она не плакала.

Слёз не было. Что-то внутри неё — там, где было сердце — покрылось льдом. Как река Альд в январе. Как глаза её мужа. Как всё в этом доме, в этом городе, в этой жизни.

Она не имела права плакать, не имела права ни на что.

Экипаж катился по камням. Желтые фонари мелькали за окном. Вейлмар дышал смогом и туманом. Лилиана сидела с закрытыми глазами и не знала, что делать.

Глава 5. Дни отчуждения

Она не помнила, как вошла в дом. Помнила только, что миссис Прентис что-то говорила — спрашивала, всё ли в порядке, не подать ли чаю, не позвать ли горничную. Лилиана не ответила. Она прошла мимо, как автомат, что показывали в том году на промышленной выставке, поднялась по лестнице, вошла в свою спальню и закрыла дверь. Потом — заперла. Ключ повернулся в замке с сухим щелчком.

И только тогда её прорвало.

Не сразу. Сначала — тишина. Звонящая, как туго натянутая струна. Потом — дрожь. Мелкая, начавшаяся в пальцах и расползшаяся по всему телу. Она села на пол — прямо на холодный паркет, не снимая платья, не снимая сапфиров, — и обхватила себя руками. Её бил озноб. Как при лихорадке. Как при холере.

Она пыталась вдохнуть. Воздух входил в лёгкие — и не выходил. Горло сжалось. Что-то тёмное, тяжёлое поднималось из груди и душило. Она рвала ворот платья — пальцами, ногтями, — пока не почувствовала, что ткань трещит. Кружево на груди разошлось. Пуговицы посыпались на пол, покатались по паркету. Одна закатилась под кровать. Она сорвала душившее её кольцо с фамильными сапфирами, скинула туфли.

Она не плакала. Слез не было. Было что-то хуже — сухие, рваные всхлипы, которые вырывались из горла, как рыдания без слёз. Она кусала губы, чтобы не закричать. Кусала до крови. Потом прижала руку ко рту. Потом уткнулась лицом в колени и сидела так, скорчившись, на полу своей спальни, в дорогом платье, в ошметках фамильных сапфиров, валявшихся на полу как дешёвая бижутерия.

За дверью ходила прислуга. Она слышала шаги, шёпот. «Миледи? Миледи, вам плохо? Миледи, откройте...» Лилиана не отвечала. Она не могла говорить. Если бы она открыла рот, оттуда вышел бы не голос, а вой.

Она сидела так — час. Может, два. Угли в камине догорали. Газовый рожок она не зажгла. Темнота была милосерднее. В темноте не было видно сапфиров на запястьях. В темноте не было видно лица в зеркале. В темноте можно было представить, что ничего не случилось.

Но случилось.

Она видела их. Его руки на её плечах. Её пальцы в его волосах. Стон. Его или её уже не важно. Жаркий. Порочный. Она слышала его даже сейчас, в тишине спальни. Он звучал в ушах, как набат.

Она видела его спину. Широкую, прямую, напряжённую. И её грудь, карамельную, гладкую. Желанную женщину которую он целовал. Не Лилиану. Её.

Рубины. Оказывается она всем сердцем ненавидит рубины.. Они горели в памяти даже сейчас, в темноте. Как угли. Как кровь. Как приговор.

Она разжала руки. Пальцы затекли. Она посмотрела на них — в темноте, смутно, — и увидела кольцо. Тонкое золото. Подаренное на свадьбе. «Согласны ли вы...» — «Согласна». Она согласилась. Она думала, что это сделка. Оказалось — приговор.

Она сняла кольцо. Медленно, через сустав. Оно поддалось не сразу — палец распух. Но она стянула его. Положила на ладонь. Тёплое от руки. Тяжёлое. Чужое. Фамильное, как и все в этом доме.

Она не знала, что с ним делать. Не выбросила. Не надела обратно. Просто держала на ладони. Как держат осколок.

Он вернулся за полночь.

Она услышала, как хрустел гравий на подъездной дорожке. Как в тиши дома хлопнула входная дверь. Как поднялся по лестнице. Шаги — тяжёлые, усталые. Медленные.

Он подошёл к её двери. Остановился. Постоял. Она сидела на полу, прижавшись спиной к кровати, и смотрела на дверь. В темноте. С кольцом в руке.

Он не постучал. Просто постоял — и пошёл дальше. В свою спальню.

Она слышала, как закрылась его дверь. Тишина. Он лёг. Он спал. Или делал вид, что спит.

А она сидела на полу. И держала кольцо.

Утро пришло серым. Туман за окнами был таким густым, что фонари на набережной казались мутными пятнами — как будто кто-то дышал на стекло. Лилиана поднялась с пола. Тело затекло. Платье помялось. Сапфиры впились в кожу. Она сняла их — все, что остались, один за другим, — и положила на туалетный столик. Они лежали там, холодные и равнодушные, как чужие глаза.

Она умылась. Холодной водой. Из таза. Долго. Потом посмотрела в зеркало. Лицо — бледное. Губы — искусанные, в кровавых точках. Глаза — сухие. Красные, но сухие. Слёз не было. Она так и не заплакала.

Она оделась. Простое платье. Тёмно-серое, как утро. Без украшений. Без корсета. Без всего, что делало её маркизой. Волосы собранные в простой пучок, заколотый самыми простыми деревянными шпильками. Она спустилась в столовую.

Он был там.

Альдрик сидел во главе стола. В чёрном сюртуке. С драгоценной булавкой в шейном платке. Свежий, выбритый, с приглаженными белыми волосами. Он выглядел так, как будто вчера ничего не случилось. Как будто он спал спокойно. Как будто он не целовал другую женщину в галерее канцлерского дворца. Знал ли он о том что она из видела? Задался вопросом почему она ушла с приема одна, без него?

Он поднял на неё глаза. Прозрачные. Спокойные. Как лёд на реке Альд.

— Доброе утро, — сказал он.

Она остановилась в дверях. Смотрела на него. Долго. Он не отвёл взгляда. Он никогда не отводил взгляда.

— Доброе, — ответила она.

Она села напротив. Слуга подал кофе. Тосты. Варенье. Всё как всегда. Всё на своих местах. Она взяла чашку. Кофе обжёг пальцы. Она не заметила.

Они ели в тишине. Так было всегда. Но сегодня тишина была другой. Она давила. Она звенела. Она была полна слов, которые Лилиана не решалась произнести.

Она смотрела на его руки в перчатках. Он всегда носил перчатки. Даже дома. Даже за столом. Она никогда не спрашивала почему. Теперь уже верно и не спросит.

Она поставила чашку. Отодвинула тарелку.

— Альдрик, — сказала она.

Он поднял глаза.

— Что ты делал в галерее?

Тишина. Долгая. Он смотрел на неё. Она смотрела на него. Между ними лежал стол — всего лишь дубовый стол, — но он казался пропастью.

— У меня были дела, — ответил он.

— Дела? — она горько усмехнулась. — Какие дела, Альдрик? Я видела вас. Видела, как она тебя целовала. Как ты целовал её. Я видела её грудь. И твои руки на её плечах. И после этого ты говоришь мне о делах?

Он не ответил. Он смотрел на неё — и в его глазах что-то дрогнуло. Что-то, чего она не видела раньше. Боль? Вина? Она не знала. Она не умела читать его. И за пять лет не научилась.

— Скажи мне, — прошептала она. — Скажи, что это не то, что я думаю. Скажи, что это было не то, что я видела. Скажи, что это было недоразумение. Скажи что-нибудь.

Он молчал.

— Альдрик.

Он поднялся со стула и подошел к окну. Он отвернулся от нее. Туман за стеклом. Смог. Серое небо. Он смотрел туда — долго, — и молчал.

— Ты не хочешь мне ничего объяснить? — спросила она. Голос дрогнул. Впервые за всё это время. За все пять лет. — Ты не будешь оправдываться?

— Не могу и не буду, — сказал он. Тихо. Сухо.

— Не можешь? — Она засмеялась. Горько. Коротко. — Что значит «не могу»? Ты не можешь сказать мне, что не изменял? Или не можешь сказать, что изменял? Что именно ты не можешь, Альдрик?

Он молчал.

— Я твоя жена, — сказала она. — Я твоя жена, Альдрик. Я живу с тобой пять лет. Я делю с тобой дом, стол, постель и имя. Я, как и обещала, была тебе хорошей женой. Я улыбалась твоим гостям. Я ждала тебя ночами. Я заботилась о твоём доме. Я верила тебе. Я доверяла. Я не слушала намеки, прорускала мимо ушей намеки. И теперь ты просто молчишь?

Он не обернулся.

— Скажи мне, — прошептала она. — Я прошу тебя. Просто скажи мне. Почему?

Тишина.

Она встала. Отодвинула стул — он скрипнул по паркету, резко, как выстрел. И вышла из столовой. Не оглянувшись.

Она не плакала. Она не могла плакать. Что-то внутри неё — там, где было сердце — покрылось льдом. Как река Альд в январе. Как глаза её мужа.

Она прошла в свою спальню. Закрывает дверь. Села на кровать. Посмотрела на кольцо, которое оставила на туалетном столике. Тонкое золото. Оно лежало рядом с сапфирами. Такое же холодное. Такое же чужое.

Она не знала, что делать. Её этому не учили. Её учили быть хорошей женой, но не учили что делать, если муж не хорош, если он предаст.

Она уговаривала себя, что поняла всё неправильно. Что это было всего только недоразумение. Может быть, виновата она сама? Может, она была ему плохой женой? Но он ничего не отрицал, не сказал «нет», не стал оправдываться. Отноворился сухим «не могу». Так не отвечают невиновные. Если бы он любил её, если бы хотя бы дорожил ею, он бы хоть что-то ответил. Если бы не изменял, объяснил бы, нашёл слова, доказал. Он молчит. Значит, всё правда. Значит, она для него — никто. Мебель. Дорогая, изысканная мебель, которую держат в доме для приличия. А любят других — ярких, смеющихся, карамельных. Она не имела права ни на что. Даже плакать.

Неделя прошла как во сне. Или как в аду. Она не могла отличить.

Они спали в разных комнатах — как и раньше, но теперь это было другое. Раньше это было расстоянием. Теперь — стеной. Они не разговаривали. Они виделись за завтраком — молчали, — и потом он уходил. Опять до глубокой ночи. До утра. Иногда не приходил вовсе. Записки прекратились. Он больше не писал. Было незачем. Он просто не приходил.

Лиана ходила по дому как тень. Она занималась счетами — механически, не видя цифр. Она разговаривала с прислугой — ровным голосом, без эмоций. Она не выходила из дома. Не принимала гостей. Не отвечала на письма. Она ждала. Чего — она не знала. Может, объяснений. Может, извинений. Может, чего-то, что перевернёт всё обратно. Но ничего не происходило.

Она думала о том, что если он даст ей хоть что-то, хоть какое-то объяснение она сможет за него зацепиться, поверить, принять и все будет как раньше. Даже если он солжет. Но он не лгал, он молчал.

Дом превратился в склеп, и кажется, даже слуги стали передвигаться незаметнее, чтобы случайно не побеспокоить призрак в который превратилась их хозяйка.

Миссис Прентис смотрела на неё с тревогой. Горничные шептались за её спиной. Дом затих — как затихают дома, в которых случилось несчастье. Газовые рожки горели ровно. Часы тикали. Время шло. Лилиана этого всего не замечала.

На третий день она нашла карту.

Она искала в его кабинете счета — на уголь, соль, платья, благотворительность и много на что еще. Она передавала их на проверку и согласование и забирала с уже подписанными банковскими чеками или распоряжениями в банк для оплаты. Она открыла ящик стола — тот, который всегда был заперт, но сегодня он был открыт, — и увидела кое что странное.

Две карандашные зарисовки, скатанные в трубку и перехваченные лентой. Лилиана развернула их.

Первый лист — Хизердейл. Вересковые холмы, скалы, ветер, оставшийся где-то между штрихами. Карандаш шёл легко, уверенно, оставляя дымчатые полутона; казалось, рисовали не место, а воспоминание о нём.

Второй — детская. Комната, залитая светом. Южные окна, камин, колыбель. Свет ложился на стены так щедро, что бумага, казалось, теплела под пальцами.

Лилиана смотрела. Долго, не отводя глаз. Потом сложила листы — аккуратно, по прежним сгибам. Вернула в ящик. Закрыла.

Она не знала, что он так сильно хотел детей. Возможно они могли вместе уехать в Хизердейл, в дом, где ждала детская с окнами на юг. Не сбылось.

Выйдя из кабинета, она закрыла дверь и прошла в свою спальню. Села на кровать, взглянула на кольцо. Оно всё ещё лежало на туалетном столике, рядом с сапфирами. Слуги не посмели их трогать — только собрали обрывки ожерелья и положили на столик.

Слёз не было. И стоило ли плакать? Оставалась лишь пустота — холодная, гулкая, как дом без мебели.

На седьмой день решение было принято.

Когда часы пробили полночь, она сидела в гостиной у окна. Он не пришёл. Ждать его она больше не собиралась. Взгляд скользил по улице — по гаснущим в соседних домах окнам, по туману, по чёрной воде реки.

Мысли не давали покоя: так больше нельзя. Жить в этом доме — невозможно. Ждать его, смотреть ему в лицо и молчать — невозможно. Делить с ним один дом, спать в соседних спальнях — невозможно. Носить его имя — невозможно. Невозможно. Хочется сбежать туда, где найдётся покой.

Хочется уйти. Впервые за пять лет — это было произнесено не шёпотом и не в мыслях, а вслух.

— Я хочу уйти.

Поднявшись, она прошла в спальню и достала из шкафа шкатулку — ту, что привезла из дома тётки. Маленькую, обитую выцветшим бархатом. Внутри лежали бумаги: свидетельство о рождении, документы на дом матери, счёт в банке — небольшой, оставленный отцом. Пересчитала. Немного. Но достаточно. Хватит на первое время. Хватит, чтобы начать жить.

Шкатулка была закрыта и поставлена на туалетный столик — рядом с кольцом и сапфирами.

Долгий взгляд на кольцо. Она его взяла и надела на палец — и снова сняла. Это символ сделки. Печать, Оковы. Их пора сорвать.

Туман за стеклом, трепещущий свет, чёрная река. Вейлмар спал. Дом спал. Не спали в доме только двое.

Но теперь решение было принято.

Глава 6. Конец

Она вошла в его кабинет без стука. Впервые за пять лет. Он первый раз за долгое время остался дома.

Альдрик сидел за столом. Перед ним лежали бумаги — ворох бумаг, исписанных его резким, угловатым почерком. Газовый рожок над столом горел ярко, отбрасывая резкие тени на его лицо. Белые волосы, прозрачные глаза, плотно сжатые губы. Он поднял голову, когда она вошла. Не удивился. Или сделал вид, что не удивился.

— Лилиана.

Она закрыла за собой дверь. Прислонилась к ней спиной. Посмотрела на него — прямо, без страха. Ей нечего было бояться и нечего стыдиться. Только не ей.

— Я хочу развод, — сказала она.

Тишина. Долгая. Газ шипел. Часы в гостиной тикали — она слышала их даже здесь, через стену. Тик. Так. Тик. Так. Время шло. Он смотрел на неё. Она смотрела на него.

Потом он отложил перо. Медленно. Аккуратно. Как всё, что он делал.

— Я не дам тебе развода, — сказал он. Голос ровный. Тихий. — Это не мой выбор.

Она смотрела на него. Впервые за неделю — прямо. Впервые за пять лет — без маски. Без улыбки. Без спины, прямой как линейка. Просто женщина. Просто Лилиана. Просто человек, которому больно.

— Тогда объясни, — сказала она. — Что это было? Что я видела? Оправдайся.

Он отвёл взгляд. Встал. Подошёл к ней медленно. Плечи напряжены. Руки в перчатках сжаты за спиной. Он был так близко, что она почувствовала его запах. Она давно его не чувствовала. Он все еще волновал её. Но его слова привели её в чувства:

— Я не буду оправдываться, — сказал он.

— Почему?

— Потому что не могу. Ты просто должна мне верить.

Она засмеялась. Горько. Коротко. Впервые за долгое время — засмеялась.

— Верить? — она коротко усмехнулась. — Ты просишь верить. После того, что я видела. Ты молчишь. Ни слова в оправдание. Ни объяснения. Просто — верь. Чему, Альдрик? Что я должна себе придумать, чтобы в это поверить? Я бы поверила. Я хочу поверить. Но ты же ничего не говоришь. Скажи хоть что-нибудь. Соври, если иначе не можешь. Только не молчи.

Он не ответил. Смотрел поверх ее головы. А ей хотелось смотреть в его глаза. Может хотя бы там она смогла бы увидеть осколки правды.

— Веры больше нет, — сказала она. — Ты её забрал. Своим предательством. Я была хорошей женой, но ты не стал мне хорошим мужем. Ты меня обманул. Условия сделки нарушены.

Тишина. Долгая. Он стоял рядом, но между ними была пропасть.

— Альдрик, пожалуйста, — всхлипнула она. — ради всего хорошего что между нами было за эти пять лет. Отпусти.

— Хорошо, — сказал он наконец. Не отводя от нее взгляда. — Я дам тебе деньги. Дом. Содержание. Всё, что ты захочешь. Ты не будешь ни в чём нуждаться.

— Мне не нужны твои деньги, — сказала она. — И твой дом. И твоё содержание.

В его глазах что-то дрогнуло. Что-то, чего она не видела раньше. Но она не хотела это читать. Она больше не хотела его читать.

— У меня есть дом матери, — сказала она. — На краю Верхнего яруса. И наследство отца. Небольшое, но достаточное. Этого мне хватит. Мне ничего от тебя не нужно.

Он молчал. Смотрел на неё.

— Ничего, — повторила она. — Ни денег. Ни дома. Ни имени. Ни тебя.

Он опустил глаза. Впервые за этот разговор и, пожалуй, впервые за пять лет. Она видела это — и не почувствовала ничего. Или почти ничего. Где-то глубоко, подо льдом, что-то шевельнулось. Она не позволила этому подняться.

— Ты можешь оставить себе всё, — сказала она. — Драгоценности. Платья. Книги. Всё. Мне нужно только то, что я принесла с собой. И моя свобода.

Он поднял на неё глаза.

— Свобода, — повторил он. Как будто пробовал слово на вкус. Как будто не понимал, что оно значит.

— Да, — сказала она. — Свобода.

Она повернулась к двери. Взялась за ручку. Помедлила. Не обернулась.

— Я пришлю за вещами завтра, — сказала она. — Бумаги подпишу у нотариуса. Ты можешь не присутствовать.

Она открыла дверь. Вышла. Закрыла за собой.

Тишина.

Он стоял посередине кабинета ещё долго. Потом подошел к окну. Смотрел на туман. На смог. На серое небо. Потом вернулся к столу. Сел. Открыл ящик. Достал наброски.

Хизердейл. Север. Вереск. Ветер. Свобода.

Он развернул их. Долго смотрел на дом. На детскую. На колыбель — нарисованную карандашом, тонкими линиями. Потом сложил их. Аккуратно. Как было. Положил обратно в ящик. Закрыл.

Газовый рожок шипел. Часы тикали. Время шло.

Он сидел. И смотрел на дверь, за которую она только что вышла.

Глава 7. Новое начало

Лилиана Корн графиня Грейстоун

Дом стоял на краю Верхнего яруса, почти у самых стен древней крепостной стены. Отсюда не было видно реки — только серые камни, увитые плющом, и дым, поднимавшийся из труб Нижнего яруса. За стенами жил другой мир: заводы, мануфактуры, рабочие кварталы. Лилиана смотрела на этот дым и думала: «Я почти в Нижнем ярусе. Почти никто. Но я свободна».

Дом был маленький. Двухэтажный, с черепичной крышей и узкими окнами. Стены покрашены белой краской, что никак не вязалось с черным смогом и туманом, но это позволяло ему выглядеть милым. На первом этаже небольшая гостиная, кухня и кабинет, на втором — три спальни и удобства, кладовая для припасов в подполе. В доме Вейлов даже помещения для слуг занимали больше пространства чем весь этот дом. Когда-то здесь жила семья ее матери. Потом после её замужества и когда умерли её родители дом сдавался вплоть до недавнего времени — пару месяцев назад жильцы съехали, и ремонт только что закончился. Пахло краской и пылью. В гостиной стояли стол, кресло четыре стула и комод. Больше ничего.

Лилиана вошла. Закрыла за собой дверь. Прислонилась к ней спиной. Закрыла глаза.

Тишина. Другая тишина. Не давящая, как в особняке Вейлов. Не звенящая. Просто тишина. Пустая. Свободная.

Она приехала одна. В наемном экипаже, с одним саквояжом в котором вещей было на пару дней. За остальными вещами она пошлет потом. Горничные получили указания, что именно она заберет с собой. Должно поместиться в пару сундуков. Кольцо она оставила на каминной полке в гостиной. На самом видном месте.

Она открыла глаза. Прошла по комнатам. Кухня. Гостинная. Кабинет — крошечный, с окном во двор. Она остановилась в кабинете. Посмотрела на окно. На двор. На стену крепости за живой изгородью.

— Здесь, — сказала она вслух. — Здесь будет новое начало.

Она не плакала. Слез не было. Было облегчение. То волнующее ощущение когда ты оказываешься на пороге неизведанного. Ей не было страшно. Впервые за много лет в ней проснулся интерес естествоиспытателя.

Она разобрала саквояж. Достала вещи. Простое платье. Рабочий фартук. Смену белья. Книги. «Трактат о летучих маслах». «Альманах трав и растений». И — на самом дне — потрёпанный номер журнала с научными статьями о ядах, взрывчатых веществах и новых соединениях. Да уж в этом доме не было библиотеки Вейлов, да и денег на покупку книг у нее сейчас нет, но она надеялась, что справится.

Она открыла Трактат. Это была её первая книга которую ей подарила мадам Курье, еще когда она была графиней Грейстоун. Страницы пожелтели, но буквы были чёткими. На форзаце — дарственная надпись, сделанная быстрым, округлым почерком:

«Корн. Не разочаруй. Курье» и размашистая подпись.

Лилиана провела пальцем по строчкам. Долго. Потом закрыла книгу. Прижала к груди. И — впервые за долгое время — почувствовала, что дышит.

Она понимала, ей не нужна работа для выживания. Да её наследство невелико и не сравнится с богатствами маркизов Хизердейл, но на достойную скромную жизнь в домике на окраине Верхнего яруса, без балов и приемов ей точно хватит. А еще она понимала, что если сию же секунду она чем-то не займет руки и голову она впадет в то ледяное отчаяние в котором она жила последнюю неделю. Снова вернуться мыли, а что если...

А что если она ошиблась, а что если она все не правильно поняла, а что если не стоило все рушить, а что если можно было все оставить так как есть... и еще очень много «а что если».

Она потрясла головой, отгоняя назойливые мысли. Никаких «а что» и «если». Она все видела своими глазами, видела рубины на обнаженной коже и слышала стон. Больше никаких «а что» и «если». Предательство нельзя прощать. Прощая предательство ты предаешь себя.

И в этот миг она поняла, что её брак был не только сделкой. Где-то в течение этих 5 лет она умудрилась полюбить своего холодного супруга. Как и почему это произошло она не знала. Но в этом браке был не только холод, не только отчуждение. Они пытались. Были прогулки наедине, тихие вечера и жаркие ночи. Но у него был долг перед империей, а у нее был долг перед ним. И где-то во время того, как они оба отдавали свои долги потерялось самое важное, то что могло их сделать счастливыми. Сделать семьей. Но не случилось. Именно по этому ей было так больно и именно по этому она ушла. Осознав это, ей стало легче.

А теперь голова и руки, она должна была их занять.

Она вышла на кухню. Нашла старую кастрюлю. Налила воды. Поставила на плиту. Разожгла огонь. Села на табурет. И начала думать.

Она думала о матери и бабушке. Они были не богаты и некоторое время чтобы выжить им приходилось зарабатывать. Они умели не многое, но у них неплохо получались ароматы для белья, мыло, притирания для мебели. Это не требовало сложных ингредиентов и особых знаний, а продавалось очень неплохо. Мама и бабушка делали их сами, в этом доме, в этой кухне. Потом мама вышла замуж и уехала из этого дома, бабушка осталась одна. Когда родилась Лилиана, они с мамой иногда приезжали сюда. Она помнила запахи детства: лаванда, розмарин, мята. Потом умерла бабушка, затем мать. Потом умер отец. Потом она вышла замуж и стала маркизой.

Она думала о мадам Курье. О её словах: «Мир состоит из веществ. Вещества подчиняются законам. Если ты знаешь законы — ты знаешь мир».

Она думала: «Я знаю законы. Я умею думать. У меня есть знания. Я любила науку и я любила заниматься домом. Почему бы не соединить? Химия и дом. Средства для дома. Маме с бабушкой в трудные времена помогло именно это занятие, значит я могу сделать тоже самое, только научнее. Средства для дома и для себя это то что всем и всегда нужно, а мужчины не всегда понимают, что действительно нужно женщине.

Она встала. Подошла к столу. Нашла в саквояже лист бумаги. Перо. И начала писать.

«Мыло. Свечи. Саше. Ароматы для белья. Притирки для мебели. Всё то, что женщины покупают каждый день. Всё то, что можно делать с помощью химии. Я знаю формулы. Я знаю запахи. Я знаю, что нужно дому. Почему бы не начать?»

Она писала и думала: «Если я сдамся — я снова стану никем. А я не хочу быть никем. Я хочу быть собой».

Я писала всю ночь. К утру у меня был список: мыло, свечи, саше, ароматы для белья, притирания для мебели. Формулы. Пропорции. Названия ингредиентов. Еще на у курсах, под присмотром мадам Курье я создала несколько формул для бытовых средств, но для их применения одной кухни не достаточно, по этому следовало начать с самого элементарного. Я не знала, получится ли. Я знала только, что должна попробовать.

Покупка самых простых и основных ингредиентов заняло у меня весь следующий день. Осмотрев задний двор, я обнаружила клад. Многие травы которые много лет назад здесь выращивала бабушка одичали, но также продолжали расти и захватили почти весь задний двор. Я нашла заросли мяты, шалфея, крапивы, душицы и даже немного чабреца и мелиссы. Их нужно было собрать и высушить, но это дело несложное..

Я начала с малого. Кухня стала моей лабораторией. Кастрюли — ретортами. Стол — верстаком. Я варила мыло в старом тазу, сушила травы на подоконнике, смешивала масла в бутылках из-под вина. Пахло лавандой, розмарином, мятой. Как в детстве.

Первые попытки были неудачными. Мыло крошилось. Свечи текли. Ароматы выдыхались через несколько часов. Я не сдавалась. Я еще раз вспомнила все чему меня учили на курсах. Обдумала, что можно было применить для моей идеи, рассчитывала и экспериментировала..

Через месяц у меня было шесть выверенных рецептов, которые работали. Я сложила их результаты в корзину и пошла в Нижний ярус.

Нижний ярус был другим миром. Смог, гарь, грохот машин. Рабочие в промасленных куртках, торговли с лотками, дети, играющие в грязи. Я шла по улицам и чувствовала себя чужой. Но я не была чужой. Я была здесь своей. Я была почти никем — как и они. И это освобождало.

Я нашла маленькую лавку на углу Ткацкой и Пекарной. Хозяйка — пожилая женщина с усталыми глазами — согласилась взять мой товар на пробу. Через неделю она заказала ещё. Через две — ещё.

Дело росло. Медленно. Трудно. Но росло.

Однажды утром в мою дверь постучали. Я не ждала гостей — я вообще никого не ждала, — и потому открыла не сразу. Стояла в прихожей, прислушиваясь. Стук повторился. Ровный, вежливый, но настойчивый.

Я открыла. На пороге стоял лакей из дома Вейлов. Я узнала его сразу — молодой человек по имени Томас, с белесыми ресницами и вечно красными руками. Он служил у нас три года. Он поклонился.

— Миледи, — сказал он. — Прошу прощения за беспокойство. Это пришло на ваше имя. Миссис Прентис велела отнести вам.

Он протянул мне конверт. Простой, серый, без герба. На нём были только моё имя и адрес, написанные незнакомым почерком — крупным, немного детским, с наклоном влево.

Я взяла конверт. Пальцы дрогнули. Я давно не получала писем. С тех пор как ушла, мне не написал никто. Ни одна из тех дам, что когда-то искали моего общества. Ни один из тех, кто называл меня «миледи Хизердейл» с улыбкой. Даже тётка — и та молчала.

— Благодарю, Томас, — сказала я.

Он поклонился и ушёл. Я закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной. Посмотрела на конверт. Потом прошла на кухню. Села на табурет. Положила конверт на стол. Долго смотрела на него.

Потом вскрыла.

Письмо было коротким. Почерк — тот же, крупный, немного детский. Но я узнала его. Я не видела этот почерк десять лет, и узнала не сразу.

«Здравствуйте, Лилиана. Простите, что пишу вам так внезапно. Я не знаю, помните ли вы меня. Я Феликс. Сын управляющего вашего отца. Мы дружили в детстве — надеюсь, что помните. Я учил вас лазать по деревьям. Вы учили меня читать. Я до сих пор помню, как вы сердились, когда я путал буквы. Вы говорили, что я безнадежен. Но я выучился.

Я пишу вам, потому что не знаю, к кому ещё обратиться. В деревне сейчас трудно. Работы мало, платят гроши. У меня осталась пожилая мать — вы её помните, тётушка Мод, вы любили её пироги с яблоками. Я не могу её оставить. Мне нужна работа. Любая. Я готов на всё. Я слышал, что ваш муж — маркиз Хизердейл, глава Тайной Канцелярии. Я подумал, может быть, он может помочь. Я знаю, это наглость. Я знаю, вы вправе не отвечать. Но я не знал, к кому ещё обратиться. Простите меня.

Феликс».

Я сидела на табурете. Долго. Смотрела на буквы. Эти строчки пробудили мои воспоминания. Детство, запах яблок и скошенной травы. Феликс жил в нашем загородном поместье, где теперь живет мой то ли дядя то ли двоюродный брат тетки, я не помню. Я помнила эти пироги. Помнила деревья, по которым мы лазали. Помнила мальчика с ободранными коленками, который путал «б» и «д». Помнила, как он смотрел на меня, когда я читала ему вслух. Как на что-то удивительное. Как на что-то, чего он не понимал, но от всей души хотел понять. Он был старше на четыре года.

Я вспомнила, как он уехал. Ему было четырнадцать. Мне — десять. Он уехал с отцом, который получил место управляющего в другом поместье. Я плакала. Он сказал: «Я вернусь. Я обещаю». Но он не вернулся.

Я взяла перо. Нашла бумагу — ту, на которой писала рецепты. Перевернула лист. И начала писать.

«Феликс. Я помню тебя. Помню деревья в саду, и и то как учила тебя читать, и пироги тётушки Мод. Я рада, что ты написал.

Муж больше не может тебе помочь. Мы развелись. Я живу одна, в доме бабушки. Я готова тебе кое что предложить, если ты согласишься, но это риск.

Если ты готов рискнуть — приезжай. Адрес: дом 3/5, Верхний ярус, улица Крепостная. Приезжай если согласен. Я буду ждать.

Лилиана».

Я запечатала письмо и вечером отдала на почту. Потом вернулась в дом. Даже если Феликс не приедет, то дело не ждёт. У меня на очереди заказ на сотню ароматических свечей.

Он приехал через неделю.

Я помню этот день. Утро было серым — как всегда в Вейлмаре. Туман висел над улицей, его даже не разгонял свет фанарей. Я варила мыло — третью партию за неделю, — когда услышала стук. Громкий, нетерпеливый. Как будто стучали кулаком, а не костяшками.

Я открыла. На пороге стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в потрёпанном пальто и сапогах, покрытых грязью. Тёмные волосы прилипли ко лбу. На щеке — шрам, которого я не помнила. Но глаза... Глаза были те же. Серые, внимательные, тёплые. Глаза мальчика, который путал буквы.

— Лилиана, — сказал он. Голос низкий, хрипловатый. — Я приехал.

Я смотрела на него. Долго. Потом улыбнулась. Впервые за долгое время — по-настоящему.

— Рада тебя видеть, Феликс, — сказала я. — Входи. У меня есть чай. И работа.

Он вошёл. Огляделся — на кухню, на кастрюли, на бутылки с маслами, на пучки трав, сушившихся под потолком.

— Ты стала ведьмой, — утвердительно сказал он.

Я посмотрела на него с недоумением, а потом засмеялась. Смеялась долго, открыто и от души. Я давно так не смеялась. Наверно с самого детства.

— Ну почти. В данный момент я варю мыло, — проговорила я. — И свечи. И ароматы. И ещё много всего. Садись. Расскажи, как ты добрался.

Он сел. Я налила ему чай. Он рассказал: как ехал три дня на перекладных, как потратил последние деньги на билет, как оставил мать на соседку. Он говорил и смотрел на меня — внимательно, как будто пытался понять, осталась ли во мне та девочка. Я смотрела на него и думала что он вырос и стал мужчиной. Но глаза остались те же.

Потом он сказал:

— Ты изменилась.

— Я знаю, — ответила я. — Время идёт. Все меняются.

— Нет. Не так. — Он замолчал. Подбирал слово. Смотрел на меня внимательно, как будто сравнивал с кем-то, кого помнил. Ты была девочкой с золотистыми косичками, которая

носила по двору, лазала по деревьям быстрее мальчишек, хохотала так, что мама грозила пальцем из окна. Девочка, которая учила меня читать и сердилась, когда я путал буквы, но потом смеялась и говорила: «Ничего, попробуем ещё».

Он ненадолго замолчал будто окунувшись в воспоминания. А потом проложил:

— Ты была как солнышко, — сказал Феликс тихо. — Помнишь? Ты всегда смеялась. Всегда бегала. Всегда что-то придумывала. Ты была... — Он замолчал. Потом закончил: — Ты была живая.

Я смотрела на него и молчала..

— А сейчас... — Он помедлил. Не хотел расстраивать? — Сейчас ты как будто потускнела. Как будто кто-то взял и стёр краски.

Я опустила глаза. Посмотрела на свои руки — в пятнах от эфирных масел, с обрезанными ногтями, с мозолями на пальцах. Руки взрослой женщины. Руки той, кто выживает.

— Но, — сказал он вдруг, — в глазах у тебя всё равно что-то осталось.

Я подняла на него взгляд.

— Что?

— Искорки. — Он улыбнулся — уголкем губ, неуверенно, как будто не был уверен, что можно улыбаться. — Те самые. Как в детстве. Когда ты злилась на меня за неверно прочитанное слово. Или когда воровали соседские груши. Или когда ты придумывала очередную шалость. Ты смотришь — и в глазах что-то есть. Что-то живое. Потускнела, да. Но не погасла.

— Я не могу много платить, — сказала я наконец. — Пока. Но дело медленно растёт. И я хочу, чтобы ты был рядом. Согласен быть моим партнёром?

Он посмотрел на меня. Долго. Потом обвёл взглядом кухню — кастрюли, бутылки, пучки трав под потолком, таз с остывающим мылом.

— Партнёром, — повторил он. — А что у тебя есть? Кроме кастрюль и трав?

— Немногое, — честно сказала я. — Кроме кастрюль и трав — есть рецепты и знания. И ещё немного денег. Наследство отца. Хватит на первое время.

Он засмеялся. Громко, заразительно, по-настоящему, от души. Смех у него был низкий, раскатистый, как будто в груди что-то перекачивалось.

— Ты не изменилась, — сказал он. — Всё такая же. Снова придумала шалость?

— Придумала, — согласилась я. — Ну так что? Согласен?

Он встал. Протянул руку — большую, широкую, с мозолями на ладони, с обкусанными ногтями. Руку человека, который работал руками всю жизнь.

— Согласен, — сказал он. — Партнёр.

Я пожала его руку. Крепко. Он ответил тем же. И мы начали.

Первое, что мы сделали, — пересчитали деньги. Я выложила всё, что у меня осталось от отца. Мы сидели над этими цифрами до полуночи, раскладывая их «на кучки»: на сырьё, на аренду, на инструменты, на зарплату работницам. К утру у нас был план.

Феликс оказался не просто сообразительным парнем, он был неплохим управляющим. Его отец многому его научил. Он был рачительным и знал настоящую цену деньгам, товарам и работе. Он знал всё: сколько уходит воска на одну свечу, сколько мыла получается из фунта жира, сколько мы теряем на выбраковке. Он находил поставщиков дешевле, чем я. Он торговался так, что купцы сдавались. Он знал, где купить воск, где — масла, где — щёлочь. Он знал людей. Он умел с ними договариваться.

Я занималась формулами. Рецептами. Ароматами. Я варила, смешивала, пробовала. Я сидела над своими записями ночами, выписывая пропорции, проверяя реакции, ища новые сочетания. Я искала запахи, которые будут продаваться. Лаванда — для белья. Розмарин — для мыла. Мята — для свечей. Кедр — для притираний. Вереск — для духов. Вереск был моим. Я не знала почему. Просто чувствовала: вереск. Что-то родное. Что-то из теплого. Я любила вереск.

Мы сняли бывший склад на окраине Нижнего яруса — сырой, тёмный, с протекающей крышей. Но дешёвый. Феликс починил крышу сам, я заштукатурила стены, мы вместе покрасили их в белый цвет — чтобы было светлее. Газ провели с трудом: хозяин требовал залог, которого у нас не было. Феликс уговорил его. Он умел уговаривать. Это был его дар.

Первые работницы пришли через месяц. Две женщины из Нижнего яруса — вдова с двумя детьми и девушка, которую выгнали из дома. Я не спрашивала, почему. Я просто дала им работу. Они варили мыло, сушили травы, нарезали фитили. Я платила мало — но честно. Феликс следил за этим. Он говорил: «Нельзя обманывать тех, кто работает на тебя. Обманешь — уйдут. А без них мы никто».

Я запомнила.

Работа была тяжелой, получалось не все и не сразу. Я злилась. Феликс успокаивал. «Не торопись, — говорил он. — Дерево растёт годами. А ты хочешь за месяц».

Он был прав.

Через три месяца мы продали первую большую партию — двенадцать коробок мыла и двадцать коробок свечей. Купила их лавка на Ткацкой улице, та самая, где я когда-то покупала книги. Хозяин — пожилой мужчина с усталыми глазами — сказал: «Хорошо пахнет. Возьму ещё».

Через полгода мы наняли ещё трёх работниц. Через год — ещё пятерых. Склад стал тесен. Феликс нашёл помещение побольше — рядом, через стену. Мы выкупили его. Потом ещё одно. Потом ещё.

Я не заметила, как кустарное производство превратилось в мануфактуру. Как кухня перестала быть цехом, а производство переехало в один из складов. Я перестала быть беглой женой и стала хозяйкой своей жизни.

Я развелась с маркизом Хизердейл через месяц после своего побега. Все это время нотариус оформлял документы. Как я и обещала, я подписала документы не глядя и оставила их у нотариуса. В этот день я шла по улице пешком и без перчаток и была счастлива, потому что обрела свободу и себя.

Однажды утром Феликс вошёл в мой кабинет — что мы устроили в одном из бывших складов.

— Что это? — спросила я.

— Расчеты за этот месяц, — сказал он. — По всей мануфактуре. Посмотри.

Я посмотрела. Цифры. Столбики. Приход. Расход. Прибыль.

— Это... — Я замолчала.

— Это прибыль, — сказал он. — Настоящая. Первая. Мы не просто выжили. Мы наконец заработали.

Я смотрела на цифры. Долго. Потом подняла на него глаза. Он улыбался. Уголком губ, как всегда. Неуверенно. Но тепло.

— Мы справились, — сказала я.

— Мы справились, — согласился он. — Но это только начало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.